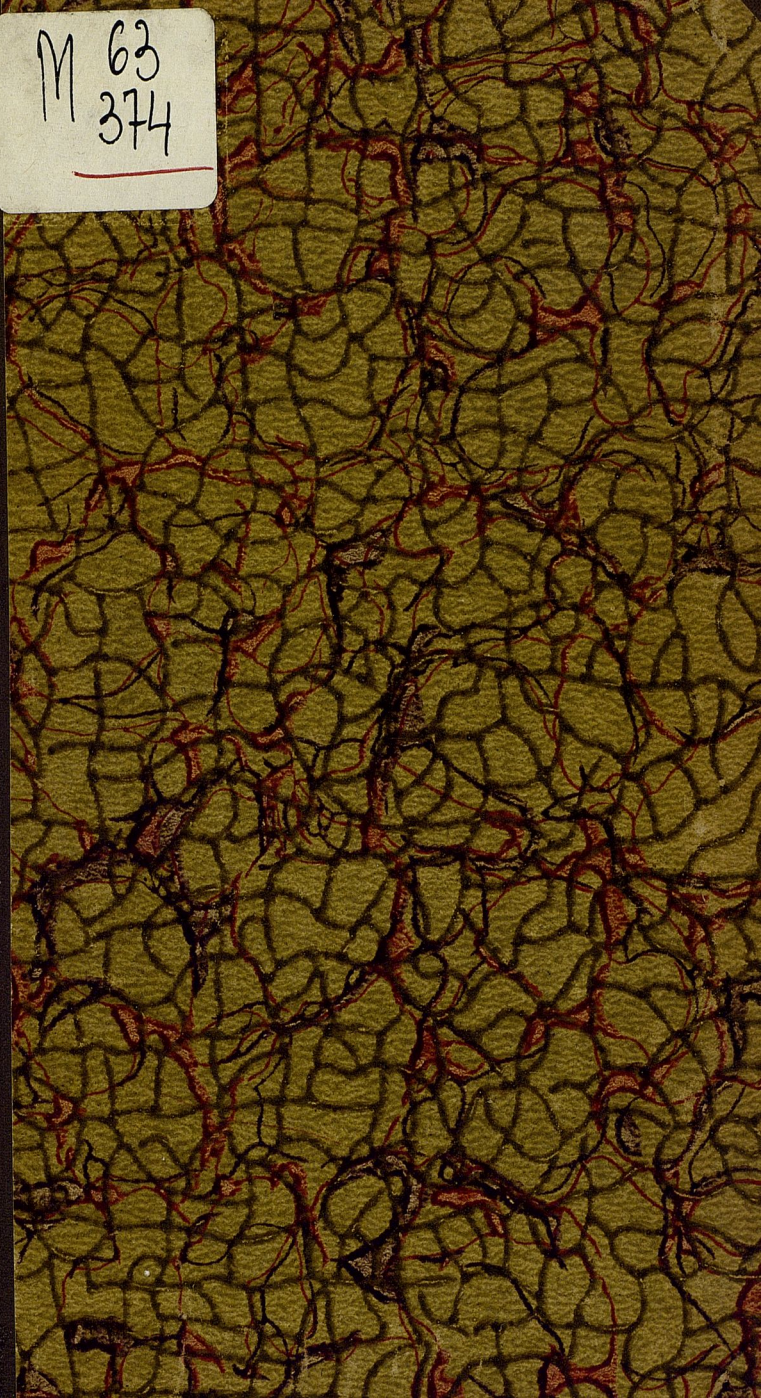

M 63
374

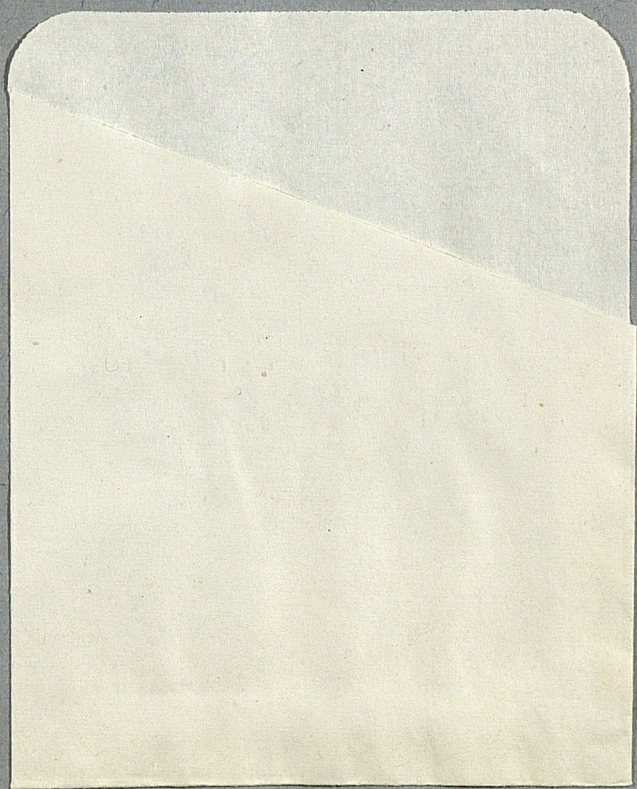

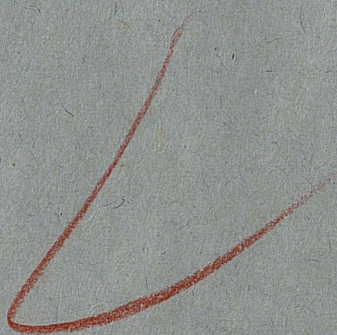

374

Памяти

И. С. ТУРГЕНЕВА.

☆ 28 окт. 1818 г. — † 22 августа 1883 г.

Сборникъ Варшавскаго Педагогическаго
Общества.

Цѣна 50 коп.

ВАРШАВА.

Тип. „Русскаго Общества“, пл. Св.-Александра 4.
1909.

Памяти
И. С. ТУРГЕНЕВА.

☆ 28 окт. 1818 г. — † 22 августа 1883 г.

Сборникъ Варшавскаго Педагогическаго
Общества.

ВАРШАВА.
Тип. „Русскаго Общества“ пл. св. Александра 4.

1909

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
N. C. TYRTEHBA
1911
UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

23 августа, по случаю 25-лѣтней годовщины со дня кончины И. С. Тургенева, варшавское педагогическое общество посвятило торжественное засѣданіе памяти великаго писателя. На засѣданіе собралась многочисленная публика, заполнившая обширный залъ 5-ой мужской гимназіи. На эстрадѣ возвышался портретъ писателя, увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ и красиво декорированный цвѣтами и національными флагами. Чествованіе носило академическій характеръ и заключалось въ произнесеніи рѣчей выяснившихъ личность и литературную и общественную дѣятельность писателя.

Засѣданіе было открыто вступительнымъ словомъ предсѣдателя общества А. П. Косминскаго, а затѣмъ были прочитаны рѣчи А. А. Францевымъ, В. А. Каминскимъ и Я. В. Юзефовичемъ и С. О. Петровымъ стихотвореніе: „Памяти И. С. Тургенева“.

М. Ги.

Мы собрались сегодня почтить память великаго писателя земли русской И. С. Тургенева. Вся Россія чтитъ и будетъ чтить Тургенева, вдохновеннымъ взоромъ проникшаго въ тайники русской жизни, художественно изобразившаго русскаго человѣка, въ перль созданія возведшаго русское слово. Намъ здѣшнимъ русскимъ, особенно дорогъ Тургеневъ: наши дѣти, наши питомцы лишены непосредственнаго, живого общенія съ великимъ русскимъ народомъ; имъ могла бы угрожать страшная опасность, что утратятъ они пониманіе русской жизни, что извратится ихъ русское чувство, испортится ихъ русская рѣчь. Но у насъ есть великіе писатели, у насъ есть Тургеневъ, и опасности этой нѣтъ. Сумѣемъ внушить дѣтямъ любовь къ великимъ твореніямъ великаго писателя, и русская жизнь предстанетъ предъ ними въ яркихъ образахъ, широкой и глубокой волной всколыхнется ихъ русское чувство, и „могучій, правдивый, свободный“ русскій языкъ станетъ ихъ неотъемлемымъ, законнымъ достояніемъ. Сдѣлаемъ это, и мы воздвигнемъ Тургеневу памятникъ „крѣпче бронзы и выше пирамидъ“.

Нѣкоторыя черты творчества Тургенева.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ 1868 г., Тургеневъ, по случаю 25-ти лѣтїя своей литературной дѣятельности, обращаясь къ современнымъ ему молодымъ собратьямъ—писателямъ, сказалъ словами Гете слѣдующее:

„Greift nur hinein in's volle Menschenleben,
„Ein jeder lebt's — nicht vielen ist bekannt,
„Und wo ihr's packt — da ist's interessant!“

(Проникайте въ *суть* человѣческой жизни! Всякій живетъ ею, не многимъ она знакома; и тамъ, гдѣ вы ее схватите, тамъ будетъ занимательно!) Силу этого „схватыванїя“, этого „уловленїя“ жизни, говоритъ далѣе Тургеневъ,—„даетъ только талантъ, а талантъ дать себѣ нельзя; но и одного таланта недостаточно. Нужно постоянное общенїе съ средою, которую берешься воспроизводить, нужна правдивость, правдивость неумолимая въ отношенїи къ собственнымъ ощущенїямъ, нужна свобода, нужна образованность, нужно знанїе! Ученїе — не только свѣтъ, по народной пословицѣ — оно также и свобода. Ничто такъ не освобождаетъ человѣка, какъ знанїе,—и нигдѣ такъ свобода не нужна, какъ въ дѣлѣ художества, поэзіи: не даромъ даже на казенномъ языкѣ художества зовутся „вольными“, „свободными“. Можетъ ли человѣкъ „схватывать“, „улавливать“ то, что его окружаетъ, если онъ связанъ внутри себя? Пушкинъ это глубоко чувствовалъ; не даромъ въ своемъ безсмертномъ сонетѣ, въ этомъ сонетѣ, который каждый начинающій писатель долженъ вытвердить наизусть и помнить, какъ заповѣдь,—онъ сказалъ:

. . . „дорогою *свободной*

„Иди куда влечетъ тебя свободный умъ“...

„Нѣтъ! безъ образованїя, безъ свободы въ обширнѣйшемъ смыслѣ—въ отношенїи къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже къ своему народу, къ своей исторїи,—не мыслимъ истинный художникъ, безъ этого воздуха дышать нельзя“.

Если приложить эти наставленія писателя, память котораго мы сегодня чувствуемъ, къ его собственной литературной дѣятельности, то, на всемъ протяженіи его 40 лѣтняго великаго и плодотворнаго „служенія музамъ“, мы увидимъ И. С. Тургенева, твердо и неуклонно слѣдующаго высокому завѣту его безсмертнаго учителя—Пушкина, нашего величайшаго поэта-художника, ученикомъ котораго онъ всегда считалъ себя, полагая свое высшее литературное честолюбіе въ томъ, чтобы „быть со временемъ признаннымъ за хорошаго его ученика“.

Въ самомъ дѣлѣ, все способствовало тому, чтобы Тургеневъ могъ „итти дорогою свободной, усовершенствуя плоды любимыхъ думъ“: и его *происхожденіе*, обезпечившее ему на тяжеломъ и тернистомъ пути писателя матеріальную независимость; и его *воспитаніе* въ московскихъ пансіонахъ (Вейденгаммера и Краузе), доставившее ему основательное знаніе французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ; и его *образованіе* сначала въ Москвѣ, затѣмъ въ Петербургѣ, а въ особенности въ Берлинскомъ Университетѣ, давшее Тургеневу основательное знаніе философіи, исторіи, нѣмецкой литературы и древнихъ языковъ, при чемъ знанія эти были такъ прочны, что, по свидѣтельству Фета, Ив. Серг. до конца своей жизни, напр., свободно читалъ и любилъ читать римскихъ авторовъ въ подлинникѣ и могъ писать чуть не цѣлыя посланія друзьямъ на латинскомъ языкѣ. Думается намъ, что даже *многочтнее пребываніе Тургенева вдали отъ родины*, то во Франціи, то въ Германіи, что даже и это удаленіе на Западъ, не прекращая его духовнаго общенія съ родиной, способствовало развитію свободнаго поэтическаго творчества Тургенева, нисколько не лишая его сочувствія къ русской жизни, пониманія ея особенностей и нуждъ, которыя, благодаря пребыванію художника внѣ ихъ сферы, получили еще болѣе объективное изображеніе. Тургеневъ и самъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, такъ опредѣляетъ причину оставленія имъ Россіи и значеніе этого факта въ развитіи своего творчества: „Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; для этого у меня, вѣроятно, не доставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага за тѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ—*крѣпостное* право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до

конца, съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться. Это была моя аннибаловская клятва... Я и на Западъ ушелъ для того, чтобы лучше ее исполнить“...

Тургеневу дано было больше времени, чѣмъ его предшественникамъ: Грибоѣдову, Пушкину, Лермонтову, или современникамъ его: Бѣлинскому, Добролюбову, Станкевичу; они умерли въ цвѣтѣ лѣтъ, онъ дожилъ почти до старости; но подобно имъ, онъ не сказалъ своего послѣдняго слова. Судьба не была къ нему жестока, но все таки безпощадная Парка Атропосъ пресѣкла нить его жизни, когда клубокъ не весь еще былъ размотанъ. Наличное литературное наслѣдство, оставленное намъ Тургеневымъ, такъ богато и разнообразно, такъ драгоценно и обширно, что не въ бѣгломъ очеркѣ, обрисовать это богатство и щедрость 25 лѣтъ тому назадъ навсегда отошедшаго отъ насъ поэта-художника. Его крупный художественный талантъ, направляемый недюжиннымъ умомъ и широкимъ европейскимъ образованіемъ, гармонически сливался съ необыкновенною эстетическою чуткостью, съ рѣдкою добротой души и кротостью, съ любовью къ жизни и отзывчивостью, съ состраданіемъ къ живымъ существамъ, въ особенности къ несчастнымъ жертвамъ. Всѣ эти лучшіе дары своей богатой натуры Тургеневъ переносилъ на страницы своихъ поэтическихъ произведеній, и потому-то всѣ, даже мелкія его вещи обвѣяны живой прелестью поэзіи и душевнаго изящества. Эрнестъ Ренанъ въ своей прощальной рѣчи передъ останками Тургенева, послѣ отпѣванія въ русской церкви въ Парижѣ (26 авг./7 сент. 1883 г.), такъ охарактеризовалъ духовную организцію нашего великаго писателя и сущность его поэтическаго творчества: „Отъ таинственнаго предопредѣленія, управляющаго человѣческими призваніями, Тургеневу данъ былъ высокій даръ благородства: онъ былъ рожденъ такъ сказать, отрѣшеннымъ отъ личныхъ вкусовъ. Душа его не была душой отдѣльной личности, болѣе или менѣе богато одаренной природой, — то была, нѣкоторымъ образомъ, совѣсть цѣлаго народа. Ни одинъ человѣкъ не воплощалъ въ себѣ такъ полно цѣлой народности. Въ немъ жилъ цѣлый міръ и говорилъ его устами. Никогда тайны сознанія, еще темнаго и полнаго противорѣчій, не были раскрыты съ такой удивительной пронизательностью. Тургеневъ чувствовалъ и творилъ непосредственно и въ то же время сознавалъ себя; онъ былъ вмѣстѣ и народомъ и избранникомъ народа. Онъ чувствителенъ, какъ женщина, и невозмутимъ, какъ анатомъ; чуждъ предрасудковъ какъ философъ, и нѣженъ,

какъ ребенокъ. Тургеневъ сознавалъ опасную трудность этой роли—выразителя одной изъ великихъ семей чело-вѣчества. Онъ чувствовалъ, что на немъ лежитъ отвѣтствен-ность за много душъ, и, какъ честный чело-вѣкъ, онъ взвѣ-шивалъ каждое свое слово, онъ дрожалъ за все, что говорилъ и чего не говорилъ. Его миссія была такимъ образомъ вполне умиротворяющей“.

„Онъ былъ, какъ Богъ въ книгѣ Іова, „творящій миръ на всяхъ“. То, что въ другихъ случаяхъ производило разладъ, то у него становилось основой гармоніи. Въ его широкой груди примирялись противорѣчія; проклятія и ненависть обезоруживались волшебнымъ обаяніемъ его искусства. Отталкивающія стороны вещей для него не существуютъ. Въ немъ все примиряется; партіи самыя враждебныя сходятся, чтобъ сообща восхвалять его и восхищаться имъ. Въ той области, куда онъ переноситъ насъ, слова, которыми раздражается обыденный міръ, теряютъ свой ядъ. Геній совершаетъ въ одиъ день то, надъ чѣмъ работаютъ вѣка. Онъ создаетъ атмосферу высшаго мира, гдѣ даже тѣ, кто были противниками, подъ конецъ находятъ, что они были лишь со-трудниками; онъ открываетъ эру великаго всепрощенія, гдѣ сражавшіеся между собою на аренѣ прогресса успокаиваются рядомъ, подавъ другъ другу руки. И дѣйствительно, выше племени стоитъ чело-вѣчество. Тургеневъ принадлежитъ къ одному племени, но онъ принадлежитъ всему чело-вѣчеству, въ силу высшей философіи, смотрящей яснымъ взглядомъ на условія чело-вѣческой жизни и старающейся, безъ предвзятой мысли познать дѣйствительность. Въ силу этой высшей филосо-фіи онъ горячо любилъ это бѣдное чело-вѣчество, онъ со-чувствовалъ его стремленію къ добру и къ истинѣ. Онъ не преслѣдовалъ его иллюзій, онъ не сѣтовалъ на его жа-лобы. Никакое разочарованіе не останавливало его. По-добно вселенной, онъ готовъ былъ тысячу разъ начинать сызнаова неудавшееся дѣло; онъ зналъ, что справедливость можетъ ждать, въ концѣ концовъ все же обратятсся къ ней. Онъ, по истинѣ, обладалъ словомъ мира, справедливости, любви и свободы“.

Кто изъ насъ, въ лучшую пору своей жизни, на зарѣ туманной юности, не зачитывался произведеніями Тургене-ва, не грустилъ и томился вмѣстѣ съ самимъ поэтомъ и его героями и героинями? кто не испытывалъ высокихъ порывовъ къ добру, къ правдѣ, стремленій къ подвигу? кто не упивался роскошнымъ ароматомъ безпредѣльныхъ нивъ, тѣнистыхъ рощъ, задумчивыхъ лѣсовъ? кто изъ насъ

не дышаль свободно полной грудью, читая описаніе весенняго туманнаго утра, съ дрожащею, какъ алмазы, на листьѣхъ росую, когда „на темносѣромъ небѣ кое-гдѣ мигаютъ звѣзды, влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной; когда слышится сдержанный, неясный шопотъ ночи, деревья слабо шумятъ, обливаясь тѣнью; когда вольно дышитъ грудь, быстро движутся члены, и крѣзнеть весь челоуѣкъ, охваченный свѣжимъ дыханіемъ весны!“ А лѣтнее, июльское утро, то тихое, то грозное? а картины вечера, когда „солнце сѣло, звѣзда зажглась и дрожитъ въ огнистомъ морѣ заката?“ а поздняя осень, когда „вѣтра нѣтъ, и нѣтъ ни солнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движенья, ни шума“; когда „въ мягкомъ воздухѣ разлитъ осенній запахъ, подобный запаху вина, и тонкій туманъ стоитъ вдали надъ желтыми полями; когда „спокойно дышитъ грудь, а на душу находить странная тревога, и между тѣмъ любимые образы, любимыя лица, мертвыя и живыя, приходятъ на память; давнымъ давно заснувшія впечатлѣнія, неожиданно просылаются; воображеніе рѣтается и носится, какъ птица, и все такъ ясно движется и стоитъ передъ глазами“; когда „сердце то вдругъ задрожитъ и забьется, страстно бросится впередъ, то безвозвратно потонетъ въ воспоминаніяхъ“; когда „вся жизнь развертывается легко и быстро, какъ свитокъ; всѣмъ своимъ прошедшимъ, всѣми чувствами, силами, всею своею душою владѣетъ челоуѣкъ, и ничего кругомъ ему не мѣшаетъ—ни солнца нѣтъ, ни вѣтра, ни шума“... Кому не знакомы эти впечатлѣнія, эти чудные образы, щедро разсыпанные въ длинномъ рядѣ художественныхъ произведеній нѣжною, граціозною, задумчивою Музою Тургеневскаго творчества! Всѣмъ намъ все это знакомо, знакомо еще съ дѣтства, и всѣ мы, быть можетъ, не сознавая этого, обязаны Т-ву нѣкоторой долей нашего духовнаго существа, ибо нечувствительно, но могуче вліяніе множества прекрасныхъ, обаятельныхъ личностей, населяющихъ бессмертныя Тургеневскія страницы, личностей, знакомство съ которыми непременно должно заронить въ любое, не совсемъ очерствѣлое сердце искры душевной красоты и благородства. Длинная вереница Тургеневскихъ фигуръ являетъ намъ богатѣйшую художественную галерею типовъ, воспроизводящихъ, по преимуществу, образованную и мыслящую часть русскаго общества отъ 40-хъ до 70-хъ годовъ прошлаго вѣка. Въ этой художественной галереѣ нашли себѣ выраженіе всѣ культурныя вліянія на русскую жизнь чуть не за цѣлое столѣтіе, начиная съ французской просвѣтительной эпохи, такъ своеобразно отразившейся

въ семьѣ Лаврецкаго, и русскаго англоманства начала XIX в., вплоть до эпохи конца 50-хъ и 60-хъ годовъ, основные моменты которой Тургеневъ выразилъ въ 4-хъ главныхъ своихъ произведеніяхъ этого періода: въ „Наканунъ“, „Отцахъ и дѣтяхъ“, „Дымъ“ и „Нови“.

Параллельно съ главными произведеніями Т-ва, герои и героини, когорыхъ давно знакомы и хорошо памятли каждому изъ насъ, отъ начала до конца пройденной имъ длинной дороги, передъ нами разстилается цѣлый рядъ небольшихъ повѣстей, очерковъ, рассказовъ высоко художественныхъ и мастерскихъ въ полномъ смыслѣ этого слова. „Мечта, сновидѣніе, воспоминаніе, заурядный фактъ, случайная встрѣча—все“, по словамъ Анненкова, „принимаетъ подъ рукой Т-ва поэтическій колоритъ, своеобразную прелесть“. Если мы мысленно пробѣжимъ длинный перечень поэтическихъ произведеній Т-ва и вспомнимъ въ общихъ чертахъ ихъ содержаніе, то мы увидимъ, что дѣйствіе всѣхъ повѣстей, рассказовъ и романовъ, за исключеніемъ „Дыма“ и „Нови“, происходитъ въ эпоху крѣпостного права. Въ самомъ дѣлѣ, корни Тургеневскаго вдохновенія находятся по преимуществу въ той эпохѣ, въ эпохѣ крѣпостныхъ отношеній. Изъ нея, изъ этой обстановки онъ извлекъ свои высоко-художественные образы и руководящія чувства всей своей жизни.

Отрицаніе крѣпостничества, ненависть къ родному лицемѣрному рабству заставили его, какъ мы знаемъ, удалиться на Западъ; удаленіе это было не только фактическимъ, но, что, пожалуй, гораздо важнѣе—психологическимъ, идейнымъ. „Западничество“ Т-ва не значило—предпочтеніе всего западно-европейскаго всему русскому; оно выражало только назрѣвшую потребность и стремленіе внести въ русскую жизнь элементарныя начала общечеловѣческой прогрессирующей цивилизаціи, которыя были выработаны Зап. Европою. „Тяготѣніе Т-ва къ Западу, по словамъ Овс.-Кулик., было тяготѣніе къ общечеловѣческому идеалу, и все оно сводилось главнымъ образомъ къ критическому и скептическому отношенію къ русской дѣйствительности, къ русскому народу, къ нашей исторіи, ко всему нашему, по крайней мѣрѣ, ближайшему будущему“. Въ то время, когда жилъ и творилъ Т-въ, дореформенная Россія жива была въ его воспоминаніяхъ, возбуждая то ненависть, то поэтическую созерцательную меланхолію, которую мы испытываемъ на кладбищѣ или при видѣ покойника. И въ самомомъ дѣлѣ, что-то грустное проникаетъ всѣ произведенія Т-ва, какая-то темная тѣнь легла на все, что вышло изъ подъ его

вдохновеннаго пера. Юліанъ Шмидтъ, нѣмецкій критикъ и поклонникъ Т-ва, такъ говоритъ объ этой меланхоліи нашего поэта: „Читая его романы, такъ и кажется, будто слышишь легкой аккомпанементъ пѣнія. Эта мелодія минорная, какъ вся почти русская музыка; она выражаетъ глубокую грусть, непонятную для насъ (нѣмцевъ), какъ загадка, но тѣмъ не менѣе привлекательную“.

Другой иностранный критикъ—*Георгъ Брандесъ* такъ опредѣляетъ эту черту творчества Т-ва: „черезъ всѣ произведенія Т-ва“, говоритъ онъ, „несется широкая, захватывающая волна меланхоліи, и ни одинъ изъ западно-европейскихъ писателей не проникнуть печалью въ такой степени, какъ онъ. Великіе меланхолики латинской расы, какъ Леопарди и Флоберъ, отличаются рѣзкими, опредѣленными контурами своего стиля; нѣмецкая грусть ярко юмористична, или патетична, или сентиментальна. Меланхолія Тургенева—всецѣло меланхолія славянскаго племени, съ его недугами и печалями; она происходитъ по прямой линіи отъ меланхоліи славянскихъ народныхъ пѣсень“. Конечно, эта Тургеневская грусть, тоска и меланхолія—вовсе не результаты сожалѣнія о томъ, что прошло и прошло невозвратно. Тургеневъ груститъ, не какъ гражданинъ, а какъ поэтъ-художникъ. Правда, дѣтство и юность поэта протекли среди картинъ грубаго насилія и дикаго произвола гордыхъ и властныхъ помѣщиковъ, проникнутыхъ олимпійскимъ спокойствіемъ сознанія своей власти; однако въ той же атмосферѣ празднои и безпечной жизни стараго барства Т-въ нашель чудные женскіе образы Вѣры („Фаустъ“), Лизы („Двор. гн.“) Наталіи Ласунской („Рудинъ“), идеалиста Пунина, восторгавшагося Херрасковымъ, честнаго и добраго Николая Петр. Кирсанова, стариковъ Базаровыхъ, изъ сердець которыхъ бьетъ неоскудѣвающій ключъ животворной родительской любви; романтика и мечтателя Пасынкова, умнаго, основательнаго Хоря, поэта Калиныча, долговязаго охотника Ермолая, съ его дѣтски-чистымъ, чуднымъ сердцемъ, нѣжнаго, поэтическаго Касьяна и многихъ, многихъ другихъ, къ которымъ и мы не можемъ отнестись иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ и даже любовью. Всѣ эти типы и образы весьма сильно трогали сердце художника, который, воскрешая въ своемъ воображеніи ихъ свѣтлыя, легкія тѣни, стояль какъ бы на кладбищѣ недавняго прошлаго, подъ холодными плитами котораго похоронено, съ одной стороны—столько жестокаго, безобразнаго, съ другой—столько добраго, честнаго, высокаго и вмѣстѣ съ ними—его собственное дѣтство, его собственная юность и ея золотыя, чистыя мечты.

Вотъ 1-й источникъ того меланхолическаго настроенія, той минорной мелодіи, по выраженію Шмидта, которыми пронянуты, въ большей или меньшей степени всѣ произведенія Т—ва, и на которое мнѣ хотѣлось обратить ваше вниманіе. Для того, чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ словъ, остановимся только на нѣкоторыхъ изъ произведеній Тургенева; возьмемъ, напр., изъ „Записокъ Охотника“ „Свиданіе.“ Вотъ передъ нами Акулина, молодая крестьянская дѣвушка, полюбившая первую любовью неопытнаго сердца пошлаго, самодовольнаго, безсердечнаго лакея Виктора; съ замираніемъ сердца долго ждетъ она своего возлюбленнаго въ осинової рощѣ, ждетъ его ласки, радостно, счастливо улыбается навстрѣчу ему и подаетъ небольшой пучокъ васильковъ, скромно, по дѣтски спрашивая его: „Хотите?“ А тотъ, лѣниво протягиваетъ руку, беретъ, небрежно нюхаетъ цвѣты и начинаетъ вертѣть ихъ въ пальцахъ: „Вся душа Акулины, говоритъ поэтъ, доверчиво, страстно раскрывалась передъ нимъ, тянулась, ластилась къ нему, а онъ... онъ уронилъ васильки на траву, досталъ изъ бокового кармана пальто круглое стеклышко въ бронзовой оправѣ и принялся втискивать его въ глазъ“. Близость разлуки съ любимымъ человѣкомъ и его полная безсердечность глубоко поражаютъ Акулину: „внезапныя, надрывающія грудь рыданья не дали ей докончить рѣчи—она повалась лицомъ на траву и горько, горько заплакала... Все ея тѣло судорожно волновалось, затылокъ такъ и поднимался у ней... Долго сдерживаемое горе хлынуло наконецъ потокомъ. Викторъ постоялъ надъ нею, постоялъ, пожалъ плечами, повернулся и ушелъ большими шагами“.

Какъ прекрасно дополняетъ поэтъ грустную картину разбитаго сердца Акулины, изображеніе горя, бѣдной покидаемой дѣвушки грустнымъ пейзажемъ блѣдной, унылой осени: „Порывистый вѣтеръ быстро мчался мнѣ навстрѣчу черезъ желтое, высохшее жнивье (пишетъ поэтъ); торопливо вздымаясь передъ нимъ, стремились мимо, черезъ дорогу, вдоль опушки, маленькіе, покорбленные листья; сторона роши, обращенная стѣною въ поле, вся дрожала и сверкала мелкимъ сверканіемъ, четко, но не ярко; на красноватой травѣ, на былинкахъ, на соломинкахъ — всюду блестѣли и волновались безчисленныя нити осеннихъ паутинь. Я остановился... Мнѣ стало грустно, сквозь веселую, хотя свѣжую улыбку увядающей природы, казалось, прокрадывался унылый страхъ недалекой зимы. Высоко надо мной, тяжело и рѣзко разсѣкая воздухъ крылами, пролетѣлъ осторожный воронъ,—повернулъ голову, посмотрѣлъ на

меня сбоку, взмыль и, отрывисто каркая, скрылся за лѣсомъ“...

Такою же минорною мелодіею звучитъ разсказъ „Три встрѣчи“, гдѣ автору, безсознательно ищущему нѣжнаго, любящаго сердца, трижды приходится встрѣтиться съ одной и той же женщиной, душой и сердцемъ принадлежащей другому человѣку, который однако измѣняетъ ей. Въ то время, когда сердце автора, по его словамъ, „томилось неизъяснимымъ чувствомъ, похожимъ не то на ожиданье, не то на воспоминанье счастья“, онъ однажды въ глухой усадьбѣ, въ степи, въ одной изъ самыхъ глухихъ сторонъ Россіи, услыхалъ тотъ же голосъ, ту же пѣсню, которую слышалъ два года тому назадъ въ Италіи, въ Сорренто; и здѣсь, въ глуши Россіи, какъ и тамъ, въ Сорренто, автору пришлось быть невольнымъ свидѣтелемъ чужого счастья, безмолвно пройти мимо него, сохранивъ однако въ мечтахъ своихъ образъ неизвѣстной женщины, мучительно волновавшей и раздражавшей его. Третья встрѣча съ незнакомкой, на маскарадѣ въ Петербургѣ, произошла въ то время, когда въ сердцѣ ея разразилась катастрофа. Однимъ словомъ „эта женщина“, говоритъ Т-въ, „появилась мнѣ, какъ сновидѣніе — и какъ сновидѣніе прошла она мимо и исчезла навсегда“. Кто была эта женщина, мы не знаемъ, да это и не важно; гораздо важнѣе, что въ этомъ разсказѣ поэтъ съ такою откровенностью обнажаетъ передъ нами свое любвеобильное сердце, съ такою прелестью разливаетъ тихіе, мечтательные звуки, навѣвающіе на душу однихъ читателей „ожиданье счастья“, на душу другихъ— „воспоминанье“ о немъ. Многое дано было Т-ву въ жизни, но одного не извѣдалъ онъ, хотя мечталъ о немъ, простирая къ нему руки, открывая свое сердце — это счастья собственной семьи, радостей семейной жизни. — Эта сторона собственной жизни нашего поэта, эти обстоятельства его личной судьбы—вотъ 2-ой источникъ меланхолическаго настроенія, которое мы отмѣтили выше, какъ одну изъ особенныхъ чертъ Тургеневскаго творчества. Остановимъ наше вниманіе еще на одномъ произведеніи Тургенева, относящемся къ самымъ послѣднимъ годамъ его творчества; возьмемъ высоко-художественный разсказъ — „Письнь торжествующей любви“. Когда Валеріи, этому глубоко продуманному поэтомъ изображенію человѣка, съ его вѣчнымъ внутреннимъ противорѣчіемъ въ его борьбѣ безсмертнаго духа съ матеріей, со смертью Муція, вернулось въ чертахъ ея „прежнее чистое, святое выраженіе, мгновенное затменіе котораго такъ смутило было Фабія“, то послѣд-

ній снова принялся за портретъ ея, изображавшій св. Цецилію съ ея атрибутами. „Валерія. сѣла передъ органомъ, и пальцы ея бродили по клавишамъ...”

Внезапно, помимо ея воли, подъ ея руками зазвучала та пѣснь торжествующей любви, которую нѣкогда игралъ Муцій—и въ тотъ же мигъ, въ первый разъ послѣ ея бра-ка, она почувствовала внутри себя трепетъ новой, зарождающейся жизни... Валерія вздрогнула, остановилась...

Что это значить? Неужели же“...

Этими словами и оканчивается рассказъ. Но какую невыразимую грустью наполняется сердце наше, когда мы прочтемъ это окончаніе повѣсти, свидѣтельствующее о побѣдномъ воскрешеніи въ душѣ Валеріи той смутной чувственной страсти, которая, казалось, навсегда покинула ее со смертью Муція! Основная идея этого рассказа—безотрадная мысль о торжествѣ въ человѣкѣ животнаго начала надъ духовнымъ, о побѣдѣ грубой матеріальной природы надъ благороднымъ стремленіемъ человѣка къ духовному безсмертію. Эта идея пробуждаетъ въ душѣ нашей чувство глубокаго, мрачнаго ужаса. По объясненію проф. Незеленова, „мрачный характеръ этого произведенія совершенно соотвѣтствовалъ той тяжелой минутѣ нашей исторической и общественной жизни, когда оно написано и появилось въ свѣтъ: это было въ 1881 году“.

Кромѣ разсмотрѣннаго нами меланхолическаго элемента въ произведеніяхъ Т-ва, характерными особенностями его музы въ длинномъ рядѣ ея твореній являются: критическій анализъ, скептицизмъ, доходящій порой до Шопенгауэровскаго пессимизма, до признанія безсилія и ничтожества человѣка передъ нѣмою и величественною природою, до мучительной и тревожной мысли о смерти. Порою, же поэтъ, смиряясь передъ неисповѣдимыми путями Божиими, приходитъ къ высокой идеѣ *самоотреченія* и къ затаенному *религіозному идеалу*, который, какъ тихій, ровный свѣтъ неугасимо горитъ въ душахъ нѣкоторыхъ героевъ и героинь Тургенева.

Остановимся на только что намѣченныхъ нами особенностяхъ Тургеневскаго творчества и постараемся уяснить себѣ ихъ сущность.

Необъятная широта міросозерцанія Т-ва, глубина его взгляда на жизнь сквозятъ въ каждомъ его произведеніи, какъ большомъ, такъ и маломъ по своимъ размѣрамъ, и мы видимъ, какъ поэтъ, „улавливая русскую жизнь и создавая одинъ за другимъ свои вдохновенные типы, отли-ваетъ ихъ по преимуществу въ двѣ отличныя другъ отъ

друга формы: въ форму *романтиковъ* и въ форму *скептиковъ*. 10 января 1860 года Тургеневъ произнесъ на публичномъ чтеніи въ пользу Общества для вспомошествованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ свою знаменитую рѣчь — „Гамлетъ и Донъ Кихотъ.“ Въ этомъ замѣчательномъ критическомъ этюдѣ Т-въ, анализируя два типа двухъ великихъ міровыхъ геніевъ, указываетъ на два различныя отношенія человѣка къ своему идеалу и на воплощеніе ихъ въ двухъ великихъ типахъ: энтузіаста: Донъ-Кихота, служителя идеи, обвѣяннаго ея сіяніемъ, и эгоиста, скептика — Гамлета, вооруженнаго обоюдоострымъ мечомъ анализа.

„Въ этомъ разъединеніи“, говоритъ Т-въ, „въ этомъ дуализмѣ мы должны признать коренной законъ всей человѣческой жизни; вся эта жизнь есть не что иное, какъ вѣчное примиреніе и вѣчная борьба двухъ непрестанно разъединенныхъ и непрестанно сливающихся началъ. Гамлеты есть выраженіе коренной *центростремительной* силы природы, по которой все живущее считаетъ себя центромъ творенія и на все остальное взираетъ, какъ на существующее только для него. Безъ этой центростремительной силы (*силы эгоизма*) природа существовать бы не могла, точно такъ же, какъ и безъ другой, *центробъжной* силы, по закону которой все существующее существуетъ только для другого; эту силу, этотъ принципъ преданности и жертвы представляютъ собою Донъ-Кихоты. Эти двѣ силы — косности и движенія, консерватизма и прогресса, суть основныя силы всего существующаго. Онѣ объясняютъ намъ растеніе цвѣтка, и онѣ же даютъ намъ ключъ къ уразумѣнію развитія могущественнѣйшихъ народовъ“.

„По мудрому распоряженію природы, говоритъ далѣе Т-въ, полныхъ Гамлетовъ, точно такъ же, какъ и полныхъ Донъ-Кихотовъ, нѣтъ; это только крайнія выраженія двухъ направленій, вѣхи, выставленныя поэтами на двухъ различныхъ путяхъ. Къ нимъ стремится жизнь, никогда ихъ не достигая. Не должно забывать, что какъ принципъ анализа доведенъ въ Гамлетѣ до трагизма, такъ принципъ энтузіазма въ Донъ Кихотѣ — до комизма; а въ жизни вполнѣ комическое и вполнѣ трагическое встрѣчается рѣдко.“ Я нарочно позволилъ себѣ утруждать ваше вниманіе этими выдержками, чтобъ показать, какъ сильно было всегда душевное раздвоеніе въ самомъ Т-вѣ: своимъ умомъ, мыслью — онъ Гамлетъ, по своимъ великимъ, чуткимъ сердцемъ — онъ Донъ-Кихотъ. И вотъ, смотря по тому, какая стихія перевѣшивала въ тотъ или другой моментъ худо-

жественнаго творчества Т—ва, поэтъ создаетъ: то Василя Васильевича, этого „Гамлета Шигровскаго уѣзда“, „отвлеченнаго“ человѣка, по его собственному признанію, „забденнаго рефлексіей“; то искренно и горячо увлекающагося Веретьева, героя „Затишья“, но человѣка, лишеннаго чувства долга и сознанія нравственной обязанности; то „лишняго“ человѣка Чулкатурина, который, проявляя передъ смертью блестящую силу своего тонко развитаго ума, казнить самого себя за свои мелочные чувства и поступки безпощаднымъ анализомъ своихъ воспоминаній; то чистаго сердцемъ, добраго, кроткаго романтика Якова Пасынкова, въ устахъ котораго слова: „добро“, „истина“, „жизнь“, „наука“, „любовь“, какъ бы восторженно они ни произносились, никогда не звучали ложнымъ звукомъ, „цѣломудренная душа котораго безъ напряженія, безъ усилія вступала въ область идеала, во всякое время была готова предстать передъ „святыней красоты“, ждала только привѣта, прикосновенія другой души“. Печальная судьба Пасынкова, „этого послѣдняго изъ романтиковъ,“ по опредѣленію самого Т—ва, вся его личность, къ которой поэтъ, а за нимъ и мы чувствуемъ безусловную симпатію, вызываетъ въ душѣ его чувства, то грустныя, то нѣжныя, съ сладостной болью проникающія въ грудь его. „Миръ праху твоему, непрактической человѣкъ, добродушный идеалистъ!“ восклицаетъ Т—въ въ концѣ повѣсти: „и дай Богъ всѣмъ практическимъ господамъ, которымъ ты всегда былъ чуждъ, и которые, можетъ быть, даже посмѣются теперь надъ твоею тѣнью, дай имъ Богъ извѣдать хотя сотую долю тѣхъ чистыхъ наслажденій, которыми, наперекоръ судьбѣ и людямъ, украсилась твоя бѣдная и смиренная жизнь!“

Но Т—въ, какъ строгій, объективный художникъ, показавъ и въ Гамлетѣ Шигровскаго уѣзда, и въ Веретьевѣ, и въ Чулкатуринѣ, и въ Пасынковѣ ихъ симпатичныя черты, не скрылъ отъ насъ и отрицательныхъ сторонъ этихъ героевъ: унижительное самоуничиженіе Василя Васильевича и мелочность чувствъ и поступковъ Чулкатурина; отсутствіе чувства долга, нравственной выдержки и увлеченіе минутой — въ Веретьевѣ и отвлеченность отъ жизни въ Пасынковѣ. Въ концѣ концовъ поэтъ развѣнчалъ своихъ героевъ, очевидно, усомнившись даже въ ихъ положительныхъ силахъ, показавъ тѣмъ самымъ, какими возвышенными рисовались ему идеаль русскаго человѣка, идеаль русской жизни. Это раздвоеніе человѣческой души, изображенное Тургенскимъ въ только что указанныхъ 4-хъ герояхъ, поэтъ признаетъ не созданіемъ человѣка, а міро-

вымъ закономъ, горестнымъ, но необходимымъ. Въ одномъ году съ повѣстью „Яковъ Пасынковъ“, въ томъ же 1855 г., Т-въ написалъ свои небольшія по объему, но замѣчательныя по идеѣ произведенія— „Фаустъ“ и „Переписка“; въ нихъ авторъ, сомнѣвающийся въ силахъ и способностяхъ русскаго человѣка, доходитъ до горькаго чувства, до мучительнаго пессимизма, который зарождается въ душѣ его отъ сознанія того, что даже въ великомъ чувствѣ любви столько мрачнаго, темнаго и даже трагическаго. Вся 1-ая повѣсть представляетъ собою разработку психологической темы Гётевскаго „Фауста“, но на иныхъ натурахъ, въ другой средѣ и эпохѣ и прежде всего, въ отличіе отъ Гете, на женской натурѣ, олицетворенной въ образѣ Вѣры. Вѣра, героиня разсказа „Фаустъ“,—это одинъ изъ замѣчательныхъ образчиковъ „ирраціональной“ женской природы, по выраженію проф. Овсяннико-Куликовскаго. Получивъ путемъ, наслѣдственной передачи, отъ матери и дѣда, большой запасъ скрытыхъ страстей, стремленіе къ самообузданію и предрасположеніе ко всему таинственному, Вѣра, надѣленная кромѣ того выдающимися дарами ума, чувства и характера, изображена поэтомъ какъ натура, въ которой всѣ эти элементы ея души (кромѣ характера и стороны нравственной) находятся въ состояніи усыпленія, въ состояніи недѣятельномъ, связанномъ, какъ бы загнаны внутрь; но это только на время. Вотъ встрѣчается она на своемъ жизненномъ пути съ Павломъ Александровичемъ Б. Герой повѣсти, взявшій на себя задачу пробудить спящую душу Вѣры Николаевны и избравшій для этого Гетевскаго „Фауста“, сыгралъ по отношенію къ героинѣ Т-ва роль Мефистофеля. Какое же дѣйствіе оказалъ Гетевскій „Фаустъ“, „одна изъ самыхъ умныхъ, самыхъ злыхъ, самыхъ жестокихъ книгъ, которыя когда либо были написаны,—эта книга, развѣнчивающая человѣка, обнажающая скрытое въ немъ животное начало; эта книга, которая, съ сатанинскимъ хохотомъ Мефистофеля, злорадно утверждаетъ, что человѣкъ— прежде всего звѣрь, жестокій, злой эгоистическій, что всѣ его высшія стремленія къ истинѣ, къ нравственной чистотѣ, къ идеалу—являются лишь пустыми претензіями, безсильными поползновеніями подняться надъ юдолюю зла и страданій; эта книга, которая говоритъ, что удѣлъ человѣка— постоянно разочаровываться въ себѣ самомъ, какъ существѣ разумномъ и моральномъ, вѣчно падать въ погонѣ за счастьемъ, которое недоступно, за наслажденіями, — которыя ведутъ только къ новымъ вожделѣніямъ и никогда не удовлетворяютъ?“ Книга Гете пробудила дремавшія въ душѣ

Вѣры темныя страсти, зародила въ ней чувство любви, но не идеальной, мечтательной, не чистое движеніе души, а любовь, силу адскую, мрачную, гнетущую. И Вѣра знала, что она не будетъ въ состояніи противостоять этой роковой силѣ, этому „дьявольскому навожденію“. Для Вѣры ея новое чувство любви, въ которой было убито все то освящающее, возрождающее, свѣтлое, что, несомнѣнно, есть въ любви, оказалась смертоноснымъ.

„Воспитанная, какъ тепличное растеніе“, говоритъ Овсяннико-Куликовскій, „не предохраненная прививкою ядовъ жизни, связанная гипнотизирующей памятью матери, созданіе нѣжное и хрупкое, Вѣра пала жертвою страха передъ тѣми чувствами, которыя въ ней пробудились, передъ тѣми галлюцинаціями, которыя она приняла за дѣйствительное явленіе матери съ того свѣта. Нервы и мозгъ ея не выдержали гнета этихъ психическихъ процессовъ, и Вѣра умерла. Но не безслѣдно прошла эта коллизія и для героя повѣсти — Павла Александровича Б. Трагическая судьба Вѣры, вызывающая въ героѣ мистическія размышленія о таинственной цѣпи, связующей судьбы отцовъ и дѣтей, съ которыхъ взыскиваются ошибки первыхъ, очищаетъ душу его, зарождаетъ въ ней высокія мысли объ альтруизмѣ, объ отреченіи, о трудѣ и исполненіи каждымъ его долга. Вотъ какъ выражаетъ онъ эти глубоко поучительныя мысли: „Любовь все таки эгоизмъ; а въ мои годы эгоистомъ быть непозволительно: нельзя въ 37 лѣтъ жить для себя; должно жить съ пользой, съ цѣлью на землѣ исполнять свой долгъ, свое дѣло.“ „Одно убѣжденіе вынесъ я изъ опыта послѣднихъ годовъ: жизнь не шутка и не забава; жизнь даже не наслажденіе.. жизнь—тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное—вотъ ея тайный смыслъ, ея загадка; не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы они возвышенны ни были, исполненіе долга—вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку; не наложивъ на себя цѣпей, желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти не падая до конца своего поприща; а въ молодости мы думаемъ: чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ дальше уйдешь. Молодости позволительно такъ думать, но стыдно тѣшиться обманомъ, когда суровое лицо истины глянуло наконецъ, тебѣ въ глаза“. Такою же мрачною, грозною, губящею человѣка силою является любовь и въ повѣсти „Переписка“. Она одинаково безпощадно губитъ и идеалистку, сильную духомъ Марью Алекс. и эгоиста, лишеннаго воли Алексѣя Петровича. Одинокая, непонятая и осмѣянная своею глупою средою 26-лѣтняя дѣвушка (письмо

Х) Марья Александровна Б. живетъ въ маленькой деревушкѣ, наканунѣ того, чтобы остаться старой дѣвой. Это дѣвушка въ высшей степени умная, развитая, начитанная, не даромъ же во всемъ околоткѣ иначе не называютъ ея, какъ *философкой*; особенно дамы величаютъ ее этимъ именемъ: инья утверждаютъ, что Марья Ал. спитъ съ латинской книгой въ рукахъ и въ очахъ; другія—что она умѣетъ извлекать какіе-то кубическіе корни, и ни одна изъ нихъ не сомнѣвается, что она исподтишка носить мужскую одежду и, вмѣсто „Здравствуйте“, отрывисто говорить „Жоржъ Зандъ“. Нашелся даже какой-то острякъ—сосѣдъ, который рассказывалъо Марьѣ Алекс., будто она даже кофе пьетъ не со сливками а съ луной, т. е. подставляя чашку подъ ея лучи, и будто по ночамъ ѣздитъ верхомъ взадъ и впередъ по рѣкѣ вбродъ и поетъ при этомъ серенаду Шуберта, или просто стонетъ; „Бетховенъ, Бетховенъ!“ Вотъ въ какой ничтожной, пошлой средѣ суждено было прозябать бѣдной героинѣ „Переписки“, которую кромѣ того постигло и личное душевное горе: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ее покинулъ женихъ, двоюродный братъ Алексѣя Петр. Изъ словъ Марьи Алекс. мы можемъ догадаться о причинѣ этого разрыва, и тогда намъ станетъ еще болѣе жаль бѣдное, разбитое сердце, искавшее въ любимомъ человѣкѣ героя, который бы воспламенилъ его, научилъ бы его жертвовать собою. „И легки были бы всѣ жертвы!“ грустно восклицаетъ Марья Алекс.: „но героевъ въ наше время нѣтъ“... „Говорятъ, бывали примѣры“, продолжаетъ она: „что двѣ родныя души, узнавъ другъ друга, тотчасъ соединялись неразрывно; слышала я также, что отъ этого имъ не всегда становилось легко... Но чего я не видѣла сама, о томъ не говорю—а что *расчетъ* самый мелкій, *осторожность* самая жалкая могутъ жить въ молодомъ сердцѣ рядомъ съ самой страстной восторженностью—это я, къ сожалѣнію, испытала на опытѣ.“

Итакъ, должна была наступить разлука... „Разлуку переносить и трудно и легко. Была бы цѣла и неприкосновенна вѣра въ того, кого любишь—тоску разлуки побѣдитъ душа... Скажу болѣе: только тогда, оставшись одною, узнаетъ она сладость уединенія, не бесплоднаго, но исполненнаго воспоминаній и думъ; только тогда она себя узнаетъ, придетъ въ себя, окрѣпнетъ... въ письмахъ далекаго друга найдетъ она себѣ опору; въ своихъ—она, быть можетъ, въ первый разъ выскажется вполнѣ... Но какъ два человѣка, отправившіеся отъ источника рѣки по разнымъ ея берегамъ, сперва могутъ подать другъ другу руку, по-

томъ только сообщаются голосомъ, наконецъ уже теряютъ другъ друга изъ виду: такъ и два существа разъединяются наконецъ разлукой. Такъ что жъ? скажете вы: видно, имъ не суждено было итти вмѣстѣ... Но тутъ - то и является различіе между мужчиной и женщиной. Мужчинѣ ничего не значитъ начать новую жизнь, стряхнуть съ себя долой все прошедшее; женщина этого не можетъ. Нѣтъ, не можетъ она сбросить съ себя долой все прошедшее, не можетъ оторваться отъ своего корня, — нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. И вотъ наступаетъ жалкое и смѣшное зрѣлище... Постепенно теряя надежду и вѣру въ себя — а какъ это тяжело, вы и представить не можете, — она гаснетъ и вянетъ одна, упорно придерживаясь своихъ воспоминаній и отворачиваясь отъ всего, что окружающая жизнь ей представляетъ... А онъ? Ищите его, гдѣ онъ? И стоитъ ли ему останавливаться? Когда ему оглядываться? Вѣдь это все для него дѣло прошлое“... (Письмо VII-ое).

И вотъ въ тотъ моментъ, когда Марья Александровна, ничего уже не требуя отъ жизни, ищетъ покоя и, казалось, находится на пути къ достиженію его, случайно начинаетъ писать къ ней знакомый ей съ дѣтства Алексѣй Петровичъ С., когда-то влюбленный въ сестру Марьи Александровны, но, какъ человѣкъ „разсудительный,“ скоро убѣдившійся въ томъ, что онъ вовсе не влюбленъ, и потому разставшійся съ своею красавицей весьма благополучно. Сначала Марья Александровна отвѣчаетъ холодно и сдержанно, недоумѣвая даже, къ чему переписываться имъ, людямъ другъ другу чуждымъ, но мало-по-малу письма Алексѣя Петровича, которыми онъ „разбудилъ воспоминанья и замолчавшія мечты“ своей души, а еще болѣе — чуткой, отзывчивой души героини, находятъ сильный отзвукъ въ ея сердцѣ, и Марья Александровна, вѣроятно, изъ сочувствія родственному ей, разбитому сердцу героя, уступаетъ его просьбамъ и продолжаетъ переписку. Алексѣй Петровичъ, умышленно или безсознательно, сумѣлъ затронуть самыя отзывчивыя струны сердца Марьи Александровны. „Терпите, боритесь до конца и знайте, что, какъ чувство, сознанье честно выдержанной борьбы едва ли не выше побѣды... Побѣда зависитъ не отъ насъ“, стоически проповѣдуетъ ей герой. „Что дѣлать? съ бою счастья не возьмешь,“ говоритъ онъ далѣе: „но не должно забывать, что не счастье, а достоинство человѣческое — главная цѣль въ жизни... Я до сихъ поръ думаю и, надѣюсь, никогда не перестану думать, что въ Божьемъ мірѣ все честное, доброе и истин-

ное примѣнимо и рано или поздно исполнится, и не только исполнится, но ужъ теперь исполняется; держись только каждый крѣпко на своемъ мѣстѣ, не теряй терпѣнія, не желай невозможнаго, но дѣлай, насколько хватаетъ силъ.

Эти восторженные рѣчи, грустной ироніей звучація въ устахъ того человѣка, который, по его собственному признанію, „въ первой молодости хотѣлъ непременно завоевать себѣ небо, потомъ пустился мечтать о благѣ всего человѣчества, о благѣ родины, потомъ думалъ только, какъ бы устроить себѣ домашнюю, семейную жизнь, но вдругъ споткнулся о муравейникъ—и бухъ о-земь, да въ могилу“,—эти рѣчи незамѣтно для самой Марьи Александровны зарождаютъ въ душѣ ея чувство дружбы, постепенно и незамѣтно переходящее въ чувство любви къ Алексѣю Петровичу. Послѣдній, подъ впечатлѣніемъ письма, полученнаго отъ жуирующаго въ Неаполѣ друга, рѣшилъ было уже ѣхать въ свою деревню, въ двадцати верстахъ отъ которой живетъ Марья Александровна; она радуется и волнуется при этомъ извѣстіи, ждетъ своего друга, ждетъ съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ, — но его все нѣтъ да нѣтъ... Проходитъ полгода со времени послѣдняго письма ея до новаго посланія героини, звучащаго скорбнымъ предчувствіемъ обманутыхъ надеждъ, несбывшихся ожиданій; она „сожалѣетъ уже о своей неосторожности, о томъ, что напрасно позволила расшевелить себя, протянула другому руку и вышла, хотя на минуту, изъ своего уединеннаго уголка.“ (Письмо XIV). Но ей все еще не хочется вѣрить своему несчастью, и она, какъ утопающій на соломинку, хватается за призрачную надежду на пріѣздъ своего друга... И только слишкомъ полтора года спустя, получаетъ она письмо изъ Дрездена отъ умирающаго Алексѣя Петровича, который, увлекшись за границей одной итальянкой-танцовщицей, въ чемъ онъ самъ видѣлъ нѣчто фатальное („видно, ни судьбы своей перемѣнить нельзя, ни самого себя никто не знаетъ, да и будущее тоже предвидѣть невозможно“ — говоритъ онъ), рѣшается подвести итогъ всей своей жизни и значенія въ ней чувства любви, которая такъ жестоко насмѣялась надъ нимъ въ послѣдніе дни его. Это чувство было въ его жизни чувствомъ больнымъ, измучившимъ, унижившимъ его, поставившимъ его въ положеніе самаго презрѣннаго раба, наложившимъ на него тяжелыя цѣпи нравственныхъ страданій. Недаромъ Алексѣй Петровичъ восклицаетъ: „Да, любовь — цѣпь и

самая тяжелая.“ „А счастье было такъ возможно, такъ близко,“ кажется шепчуть умирающія уста несчастнаго героя, которому привидѣлся теперь, вдали отъ родины, образъ Марьи Александровны, образъ отвергнутаго счастья. Онъ въ послѣдній разъ протягиваетъ къ ней свои слабѣющія руки и шлетъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ привѣтомъ ей и родинѣ, свой послѣдній вздохъ, свою послѣднюю мысль, какъ выводъ изъ своей неудавшейся жизни: „Хочу въ послѣдній разъ, хотя на мгновеніе, насладиться тѣмъ добрымъ, кроткимъ чувствомъ которое разливается во мнѣ тихимъ свѣтомъ, какъ только вспомню о васъ“ — пишетъ Марья Александровна Алексѣй Петровичъ. „Вашъ образъ теперь вдвойнѣ для меня дорогъ... Вмѣстѣ съ нимъ возникаетъ передо мною образъ моей родины, и я шлю и ей и вамъ прощальный привѣтъ. Живите, живите долго и счастливо и помните одно: жизнь только того не обманетъ, кто не размышляетъ о ней и, ничего отъ нея не требуя, принимаетъ спокойно ея немногіе дары и спокойно пользуется ими. Идите впередъ, пока можете; а подкосятся ноги — сядьте близъ дороги, да глядите на прохожихъ безъ досады и зависти: вѣдь и они недалеко уйдутъ!“ (Письмо XV).

Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ иамъ недалеко уйти: рано или поздно — всѣмъ людямъ положенъ одинъ предѣлъ, всѣхъ людей, какъ все живущее, постигнетъ одна участь — смерть. Мысль о смерти волновала Тургенева въ разные періоды его жизни, и съ особенною силою это душевное настроеніе поэта отразилось въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Поѣздка въ Полѣсье“, написанная въ 1857 году, „Призраки“ — 1863 г., „Довольно“ — 1864 г., и наконецъ — въ послѣдніе годы жизни и творчества Тургенева — въ цѣломъ рядѣ стихотвореній въ прозѣ, изъ которыхъ самыми характерными въ этомъ отношеніи являются: „Разговоръ Юнгфрау и Финстерааргорнъ“, (1878 г.), „Старуха“ (1878 г.), „Собака“ (1878 г.), „Конецъ свѣта“ (1878 г.), „Череня“ (1878 г.) „Насѣкомое“ (1878 г.) „Старикъ“ (1878 г.), „Что я [буду думать?“... (1879 г.) Привязанность къ жизни и страхъ смерти были душевными пружинами, которыя съ большою силою дѣйствовали у Тургенева. Сильная привязанность къ жизни, склонность придавать ей особую цѣну — это отличительная черта большихъ умовъ и дарованій. Наиболѣе привязанное къ жизни существо, говоритъ Овсяннико-Куликовскій, — это геній. Для него жить — значитъ мыслить и творить, а это одно изъ самыхъ чарующихъ, самыхъ заманчивыхъ проявленій жизни. Правда; не всегда

такое тяготѣніе къ жизни связано со страхомъ смерти: есть умы и натуры, чрезвычайно жизнерадостные и въ то же время относящіеся философски - спокойно къ грозному призраку смерти; но не таковъ былъ Тургеневъ. Мысль о смерти, о „ничтожествѣ“, какъ онъ самъ выражался, была для него мучительной и ужасающей; она навязывалась его уму, какъ „проклятый“ вопросъ, какъ роковая проблема. Но не душевная усталость, не одряхлѣніе, не притупленіе живыхъ силъ ума и сердца были источниками того безотраднaго міровоззрѣнія, которое такъ поэтически выражено въ названныхъ выше произведеніяхъ Тургенева, ибо совершенно невѣроятно такое состояніе душевнаго упадка поэта ни въ 1857 г. когда написана „Поѣздка въ Полѣсье“, одно изъ раннихъ произведеній Тургенева, ни въ 63 — 64 г. г., когда появились „Призраки“ и „Довольно“, стоящіе почти въ зенитѣ его дѣятельности, ни даже въ 1878 году, когда написаны самыя мрачныя изъ стихотвереній въ прозѣ, названныхъ самимъ авторомъ „старческими“, однако полныхъ свѣжести и силы: тождество идей и образовъ въ указавныхъ произведеніяхъ, явившееся, какъ результатъ стремленія поэта рѣшить „проклятый“ вопросъ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что таковъ былъ порядокъ мыслей и чувствъ, занимавшихъ умъ и волновавшихъ воображеніе Тургенева въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Мысль о смерти, какъ о чемъ-то постоянно близкомъ, всегда висящемъ надъ головою всего живущаго, мысль о беспомощности и незащитности человѣка передъ вѣчными, равнодушными силами природы выражена въ слѣдующихъ яркихъ картинахъ „Поѣздки въ Полѣсье“: „Видъ огромнаго, весь небосклонъ обнимающаго бора, видъ „Полѣсья“ напоминаетъ видъ моря. И впечатлѣнія имъ возбуждаются тѣ же; та же первобытная, нетронутая сила разстилается широко и державно передъ лицомъ зрителя. Изъ нѣдра вѣковыхъ лѣсовъ, съ безсмертаго лона водъ поднимается тотъ же голось: „Мнѣ нѣтъ до тебя дѣла, — говоритъ природа человѣку: „я царствую, а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть“. Но лѣсъ однообразнѣе и печальнѣе моря, особенно сосновый лѣсъ, постоянно одинаковый и почти безшумный. Море грозитъ и ласкаетъ, оно играетъ всѣми красками, говоритъ всѣми голосами; оно отражаетъ небо, отъ котораго тоже вѣетъ вѣчностью, какъ будто намъ нечуждой... Неизмѣнный мрачный боръ угрюмо молчитъ или воетъ глухо — и при видѣ его еще глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности. Трудно человѣку, существу единаго дня, вчера ро-

жденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихіи; нѣтъ—вся душа его никнетъ и замираетъ и чувствуетъ, что послѣдній изъ его братій можетъ исчезнуть съ лица земли — и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ; онъ чувствуетъ свое одиночество, свою слабость, свою случайность и съ торопливымъ, тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ заботамъ и трудамъ жизни; ему легче въ этомъ мірѣ, имъ самимъ созданномъ, здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое значеніе и въ свою силу.“

Непосредственная близость къ могущественной стихіи, которая какъ бы дышитъ на поэта своимъ ледянымъ дыханіемъ, вызываетъ передъ его очами призракъ смерти, осязаніе которой заставляетъ его вновь пережить въ умѣ своемъ всю свою прошлую жизнь, научившую поэта съ смиреніемъ переносить удары судьбы и съ самоотреченіемъ относиться къ радостямъ жизни, къ счастью, у котораго „есть только настоящее—и то не день, а мгновенье.“ („Ася“).

„Я присѣлъ на срубленный пенъ, оперся локтемъ на колѣни и, послѣ долгаго безмолвія, медленно поднялъ голову и оглянулся. О, какъ все кругомъ было тихо и сурово - печально; нѣтъ, даже не печально, а нѣмо, холодно и грозно въ то же время. Сердце во мнѣ сжалось. Въ это мгновенье, на этомъ мѣстѣ я почувалъ вѣяніе смерти, я ощутилъ, я почти осязалъ ея непрестанную близость. Хотя бы одинъ звукъ задрожалъ, хотя бы мгновенный шорохъ поднялся въ неподвижномъ зѣвѣ обступившаго меня бора. Я снова, почти со страхомъ опустилъ голову; точно я заглянулъ куда-то, куда не слѣдуетъ заглядывать человѣку... Я закрылъ глаза рукою — и вдругъ, какъ бы повинуюсь таинственному повелѣнію, я началъ припоминать всю мою жизнь“...

„Вотъ, мелькнуло передо мной мое дѣтство, шумливое и тихое, задорное и доброе, съ торопливыми радостями и быстрыми печальями; потомъ возникла молодость, смутная, странная, самолюбивая, со всѣми ея ошибками и начинаніями, съ беспорядочнымъ трудомъ и взволнованнымъ бездѣйствіемъ... О, жизнь, жизнь, куда, какъ ушла ты такъ безслѣдно? Какъ выскользнула ты изъ крѣпко стиснутыхъ рукъ? Ты ли меня обманула, я ли не успѣлъ воспользо-ваться твоими дарами?“

Но вотъ близится вечеръ, и исполненному самоотреченія автору, готовому съ смиреніемъ встрѣтить самую смерть, какъ бы слышится кроткій голосъ всего засыпающаго „Отдохни, братъ нашъ; дыши легко и не горюй и ты передъ близкимъ сномъ.“ И тутъ же поэтъ созерцаетъ стрекозу, глядя на которую, ему кажется, что онъ понялъ жизнь природы, понялъ ея таинственный смыслъ: „Я поднялъ голову и увидалъ на самомъ концѣ тонкой вѣтки одну изъ тѣхъ большихъ мухъ съ изумрудной головкой, длиннымъ тѣломъ и четырьмя прозрачными крыльями, которыхъ кокетливые французы величаютъ „дѣвицами“, а а нашъ безхитростный народъ „коромыслами“. Долго, болѣе часа не отводилъ я отъ нея глазъ. Насквозь пропеченная солнцемъ, она не шевелилась, только изрѣдка поворачивала головку со стороны на сторону и трепетала приподнятыми крылышками... вотъ и все. Глядя на нее, мнѣ вдругъ показалось, что я понялъ жизнь природы, понялъ ея несомнѣнный и явный, хотя для многихъ еще таинственный смыслъ. Тихое и медленное одушевленіе, неторопливость и сдержанность ощущеній и силъ, равновѣсіе здоровья въ каждомъ отдѣльномъ существѣ — вотъ самая ея основа, ея неизмѣнный законъ, вотъ на чемъ она стоитъ и держится. Все, что выходитъ изъ-подъ этого уровня, кверху ли, книзу ли, все равно — выбрасывается ею вонъ, какъ негодное. Многія насѣкомыя умираютъ, какъ только узнаютъ нарушающія равновѣсіе радости любви; больной звѣрь забивается въ чашу и угасаетъ тамъ одинъ: онъ какъ бы чувствуетъ, что уже не имѣетъ права ни видѣть всѣмъ общаго солнца, ни дышать вольнымъ воздухомъ; онъ не имѣетъ права жить; — а человѣкъ, которому, отъ своей ли вины, отъ вины ли другихъ, пришлось худо на свѣтѣ, долженъ, по крайней мѣрѣ, умѣть молчать.“

Если мы вспомнимъ теперъ содержаніе фантазіи „Призраки“ и очерка „Довольно“, то увидимъ, что и здѣсь художественною формою мысли поэтъ старается разрѣшить прежде всего тотъ же вопросъ о жизни и смерти и разрѣшаетъ его въ духѣ безотраднaго пессимизма. Мучительныя чувства и думы, во власти которыхъ былъ Тургеневъ въ разные періоды своей жизни и между прочимъ—во время созданія „Отцовъ и дѣтей“, очень искренно и прямо вылились изъ души поэта въ названныхъ двухъ произведеніяхъ. Въ „Довольно“ и „Призракахъ“ съ нѣкоторыми вариациями выражены тѣ же мысли о вѣчности, передъ которой такъ ничтоженъ человѣкъ и даже сама природа, о грозномъ призракѣ смерти, возмущающемъ гордость База-

рова, тотъ же Базаровскій пессимистическій взглядъ на вещи и на людей, однимъ словомъ — развитіе той же темы, которая выражена была еще въ „Экклезіастѣ“ въ классическомъ изреченіи: „Суета суетъ и всяческая суета.“ Вотъ какъ съ высокимъ поэтическимъ одушевленіемъ развитъ тотъ же мотивъ у Тургенева въ очеркѣ „Довольно“. „Довольно“, говоритъ поэтъ устами своего героя: „полно метаться, полно тянуться, сжаться пора; пора взять голову въ обѣ руки и велѣть сердцу молчать. Полно нѣжиться сладкой нѣгой неопредѣленныхъ, но плѣнительныхъ ощущеній, полно бѣжать за каждымъ новымъ образомъ красоты, полно ловить каждое трепетаніе ея тонкихъ и сильныхъ крыль.—Все извѣдано — все перечувствовано много разъ... усталъ я. Что мнѣ въ томъ, что въ это самое мгновеніе заря все шире, все ярче разливается по небу, словно распаленная какою-то всеобщаю страстью? Что въ томъ, что въ двухъ шагахъ отъ меня, среди тишины и нѣги и блеска вечера, въ росистой глубинѣ неподвижнаго куста, соловей вдругъ сказался такими волшебными звуками, точно до него на свѣтѣ не водилось соловьевъ, и онъ первый запѣлъ первую пѣсню о первой любви? Все это было, было, повторялось, повторяется тысячу разъ — и какъ вспомнишь, что все это будетъ продолжаться такъ цѣлую вѣчность, словно по указу, по закону, — даже досадно станетъ! Да... досадно.“

Далѣе, съ еще большей душевной горечью такъ продолжаетъ поэтъ: „Самая суть жизни мелка, неинтересна, и нищенски плоска... и даже то высшее, то сладчайшее счастье, счастье любви, полного сближенія, безвозвратной преданности — даже оно теряетъ все свое обаяніе; все его достоинство уничтожается его собственной малостью, его краткостью. Ну, да: человекъ полюбилъ, загорѣлся, залепеталъ о вѣчномъ блаженствѣ, о безсмертныхъ наслажденіяхъ — смотришь: давнымъ-давно уже нѣтъ слѣда самаго того червя, который съѣлъ послѣдній остатокъ его изсохшаго языка. Но развѣ нѣтъ великихъ представленій, великихъ, утѣшительныхъ словъ: „народность, право свобода, чело-вѣчество, искусство?“ спрашиваетъ поэтъ уже съ нотой отчаянія въ голосѣ и даетъ себѣ такой бозотрадный отвѣтъ: „Да, эти слова существуютъ, и много людей живетъ ими и для нихъ. Но все-таки мнѣ сдается, что если бы вновь родился Шекспиръ, ему не изъ чего было бы отказаться отъ своего Гамлета, отъ своего Лиры. Его проницательный взоръ не открылъ бы ничего новаго въ чело-вѣческомъ быту: все та же пестрая и въ сущности неслож-

ная картина развернулась бы передъ нимъ въ своемъ тревожномъ однообразіи: то же легковѣріе и та же жестокость, та же потребность крови, золота, грязи, тѣ же пошлыя удовольствія, тѣ же бессмысленныя страданія, тѣ же ухватки власти, тѣ же привычки рабства, та же естественность неправды — словомъ, то же хлопотливое прыганье бѣлки въ томъ же старомъ, даже не подновленномъ колесѣ“...

Разсмотрѣвъ затѣмъ великія, сильныя слова: „искусство“, „красота“, поэтъ приходитъ къ безотрадному выводу, гдѣ передъ грозной стихіей, передъ могучей природой, ничтожна личность человѣческая, безсильны творческія стремленія генія, неосновательны его притязанія на бессмертіе, на увѣковѣченіе его вдохновеніи, его труда. Въ чудныхъ, художественныхъ картинахъ поэтической фантазіи „Призраки“ разрѣшаются тѣ же самые вопросы, что и въ очеркѣ „Довольно“, и въ духѣ того же безотраднaго пессимизма. Полная грусти и глубокой думы муза Тургенева—Эллисъ показываетъ поэту то грозныя, то чарующія нѣгой картины природы, воскрешаетъ передъ нимъ историческое прошлое, и въ результатѣ всѣхъ этихъ созерцаній: природы, исторіи, людей, красоты и пошлости получается то самое душевное настроеніе, изображеніе котораго составляло сюжетъ и задачу очерка „Довольно“. Итакъ въ этихъ двухъ произведеніяхъ „личность человѣческая, уединенная, обезоруженная, съ потухшимъ внутреннимъ свѣтомъ, показана“, по словамъ Овсянико - Куликовскаго, „въ ея крушеніи, въ ея ничтожествѣ“; такимъ образомъ, основная мысль „Призраковъ“ и „Довольно“—это пѣснь о торжествѣ смерти. Въ противоположность этому въ романѣ „Отцы и дѣти“, въ тѣхъ дивныхъ, умилительныхъ страницахъ, повѣствующихъ о смерти Базарова, видѣвшаго, какъ возлѣ него кипѣлъ и билъ неоскудѣвающій ключъ животворной силы родительской любви, великій художникъ далъ намъ бессмертную пѣснь о бессмертной любви, любви, передъ которой безсильна сама смерть; далъ намъ пѣснь о торжествующей любви, которая имѣетъ всѣ права сказать: „Смерть, гдѣ твое жало?“ Какою дивною мелодіей звучитъ заключительный аккордъ романа „Отцы и дѣти“, именно, то мѣсто, гдѣ поэтъ, просвѣтленный высокимъ религіознымъ идеаломъ, рисуетъ намъ слѣдующую картину: „Есть небольшое сельское кладбище, въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Какъ почти всѣ наши кладбища, оно являетъ видъ печальный: окружавшія его канавы давно заросли; сѣрые деревянные кресты поникли и гніють

подъ своими когда-то крашеными крышами; каменные плиты всѣ сдвинуты, словно, кто ихъ подталкиваетъ снизу; два три ошипанныхъ деревца едва даютъ скудную тѣнь; овцы безвозбранно бродятъ по могиламъ... Но между ними есть одна, до которой не касается человѣкъ, которую не топчетъ животное: однѣ птицы садятся на нее и поютъ на зарѣ. Желѣзная ограда ее окружаетъ, двѣ молодые елки посажены по обоимъ ея концамъ: Евгенийъ Базаровъ похороненъ въ этой могилѣ. Къ ней изъ недалекой деревушки, часто приходятъ два уже дряхлые старичка—мужъ съ женою. Поддерживая другъ друга, идутъ они отяжелѣвшею походкою; приблизятся къ оградѣ, припадутъ и станутъ на колѣни, и долго, и горько плачутъ, и долго и внимательно смотрятъ на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ; помѣняются короткимъ словомъ, пыль смахнутъ съ камня, да вѣтку елки поправятъ, и снова молятся, и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына, до воспоминаній о немъ...

Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы бесплодны? Неужели любовь, святая преданная любовь не всесильна? О, нѣтъ. Какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ могилѣ, цвѣты, растущіе на ней, безмятежно глядятъ на насъ своими невинными глазами: не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи „равнодушной природы“ говорятъ они: они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной“...

Эта лучезарная красота религіознаго созерцанія жизни, это душевное просвѣтлѣніе и свѣтлая вѣра поэта, явившіяся въ „Отцахъ и дѣтяхъ,“ въ послѣдній разъ выразились въ небольшой повѣсти „Разсказъ отца Алексѣя“, написанной въ Парижѣ въ 1877 году: несмотря на то, что потрясающая исторія сына о. Алексѣя приводитъ насъ почти къ безотрадному отчаянью, вдругъ, въ самомъ концѣ этого произведенія, читателя озаряетъ свѣтлый лучъ надежды и вѣры въ возможность побѣды безсмертнаго человѣческаго духа надъ матеріей. Во всѣ остальные годы творчества Тургенева, во всѣхъ послѣдовавшихъ затѣмъ его произведеніяхъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ душой поэта то скливое, мрачное настроеніе, все болѣе и болѣе усиливается его разочарованіе въ жизни, все неотвязчивѣй и тяжелѣй становится мысль о смерти, съ такою силою и образностью выраженная въ послѣднихъ твореніяхъ Тургенева — въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“. Вспомнимъ неумолимый образъ смерти въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ „Стару-

ха“, „Конецъ свѣта“, „Насѣкомое“, „Черепья“, вспомнимъ, наконецъ, хоть послѣднее изъ нихъ: „Роскошная, пышно-освѣщенная зала: множество кавалеровъ и дамъ. Всѣ лица оживлены, рѣчи бойки... Идетъ трескуцій разговоръ объ одной извѣстной пѣвицѣ. Ее величаютъ божественной, безсмертной... О, какъ хорошо пустила она вчера свою послѣднюю трель. И вдругъ—словно по манію волшебнаго жезла, со всѣхъ головъ и со всѣхъ лицъ слетѣла тонкая шелуха кожи—и мгновенно выступила наружу мертвая бѣлизна черепьевъ, зарябили синеватымъ оловомъ обнаженные десны и скулы. Съ ужасомъ глядѣлъ я, какъ двигались и шевелились эти десны и скулы, какъ поворачивались, лоснясь при свѣтѣ лампъ и свѣчей, эти шишковатые, костяные шары, и какъ вертѣлись въ нихъ другіе, меньшіе шары—шары обезсмысленныхъ глазъ.

Я не смѣлъ прикоснуться къ собственному лицу, не смѣлъ взглянуть на себя въ зеркало.

А черепья поворачивались попрежнему... И съ прежнимъ трескомъ, мелькая красными лоскуточками изъ-за оскаленныхъ зубовъ, проворные языки лепетали о томъ, какъ неподражаемо безсмертная... да, безсмертная... пѣвица пустила свою послѣднюю трель“. (Апрѣль 1878 года).

Разгадку этой мысли, неотступно стерегущей cadaго изъ насъ, тяготѣвшей надъ Тургеневымъ съ особенною силою, легко найти въ заключительныхъ словахъ одного изъ тѣхъ же „Стихотвореній“, а именно, въ стихотвореніи, „Голуби“: „Сорвалась буря и пошла потѣха. Но подъ навѣсомъ крыши, на самомъ краюшкѣ слухового окна, рядышкомъ сидятъ два бѣлыхъ голубя: кто слеталъ за товарищемъ, и тотъ, кого онъ привелъ и, можетъ быть, спасъ. Нахохлились оба и чувствуютъ каждый своимъ крыломъ крыло сосѣда... Хорошо имъ. И мнѣ хорошо, глядя на нихъ... Хоть я и одинъ... одинъ, какъ всегда“. Это сказано Тургеневымъ за 4 года до смерти, въ 1879 году. Одиночество надвигавшейся старости и все болѣе усиливавшаяся болѣзнь, вполне понятно, внушали нашему поэту невеселыя мысли; но не смотря на это, природная свѣтлость духа и поражающая бодрость мысли не покидали Тургенева до послѣдняго его вздоха. Природа, великая книга которой была для него такъ открыта, самая ничтожныя, незамѣтныя для простыхъ смертныхъ явленія подчасъ вливали въ душу Ивана Сергѣевича новыя силы, вѣру въ жизнь, презрѣніе къ смерти. „Мы еще повоюемъ“, восклицаетъ поэтъ при видѣ семейки воробьевъ, бойко и самонадѣяно

прыгавшей, несмотря на близость ястреба. „Я поглядѣлъ“, говоритъ Тургеневъ, „разсмѣялся, встряхнулся — и грустные думы тотчасъ отлетѣли прочь: отвагу, удалъ, охоту къ жизни почувствовалъ я. И пускай надо мной кружить мой ястребъ... Мы еще повоюемъ, чортъ возьми“. Въ другой разъ поэтъ, видя, какъ старый воробей кидается спасать свое дѣтище отъ угрожающей послѣдному собаки, замѣчаетъ: „Сила, сильнѣе его воли, сбросила его съ высокой безопасной вѣтки. Любовь сильнѣе смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь“.

Итакъ, не мрачна меланхолія Тургенева, не безнадеженъ его пессимизмъ, не отчаяніе въ себѣ и въ своихъ силахъ, не презрѣніе къ людямъ и жизни, зарождается въ душѣ нашей, когда мы прочитываемъ вдохновенныя страницы нашего поэта: въ насъ укрѣпляется вѣра въ человека, въ его духовную красоту и силу. въ насъ зарождается любовь къ людямъ, въ особенности къ убогимъ, слабымъ, непостояннымъ, „лишнимъ людямъ“, въ насъ зарождается любовь къ жизни, которую самъ Тургеневъ, подобно Пушкину, любилъ страстно; въ которой искалъ всего того, что даетъ силу душѣ, вливаетъ въ нее свѣтъ и радость; которою онъ самъ хотѣлъ и насъ научилъ наслаждаться въ благородномъ смыслѣ этого слова, какъ можетъ наслаждаться ею высокоодаренный, чуткій артистъ. Изображая жизнь, Тургеневъ повсюду искалъ красоты, добра, истины и эти высокіе и бессмертные идеалы завѣщалъ русскому народу, въ великое призваніе котораго онъ твердо вѣрилъ, несмотря на временное, преходящее скептическое свое настроеніе.

Заслуги М. С. Тургенева

ДЛЯ

РУССКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ И РУССКОЙ ШКОЛЫ.

1883 года — 22 августа — 1908 года.

(Ко дню 25-лѣтія со дня смерти).

Исторія нашего отечественнаго просвѣщенія свидѣтельствуетъ о томъ, что его прогрессъ совершался въ тѣсной связи, а въ большинствѣ случаевъ даже въ зависимости отъ успѣховъ литературы. Если мы охватимъ нашимъ мысленнымъ взоромъ двухвѣковой періодъ нашего просвѣщенія, начиная съ Петра В., то увидимъ, что появленіе выдающихся литературныхъ и поэтическихъ произведеній создавало высшіе запросы и интересы въ обществѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, обуславливая собою стимулы интеллектуальнаго развитія общества, вносило значительное оживленіе въ дѣло просвѣщенія вообще и въ жизнь школы въ частности. Достаточно назвать имена Ломоносова, Карамзина, Пушкина и Гоголя, чтобы вызвать въ нашемъ сознаниі пред-
ставленіе и объ эпохахъ, созданныхъ въ русской литературѣ произведеніями этихъ писателей—произведеніями, укрѣпившими въ обществѣ прочный интересъ къ литературѣ, а также представленіе о томъ глубокомъ значеніи, какое эти произведенія имѣли въ жизни школы. Всѣ упомянутыя лица, составляющія нашу національную гордость, послужили въ той или иной степени дѣлу просвѣщенія и воспитанія нашего общества, а многія изъ нихъ продолжаютъ служить ему и до настоящаго времени: ихъ произвенія даютъ прекрасныя образовательныя средства, которыми пользуется школа, осуществляя свою высокую и трудную задачу.

Приведенная параллель невольно напрашивается въ настоящее время, когда на необъятномъ просторѣ нашей родины должна чествоваться память нашего великаго писателя и поэта И. С Тургенева по случаю исполнившагося 25-лѣтія со дня его смерти. Эпоха Тургеневскаго творчества, обнимающая довольно продолжительное время и проходившая при не всегда благопріятной для свободы поэтическаго творчества обстановкѣ, началась тогда, когда сцена русской литературы, наполненная массой пестрыхъ фигуръ и группъ, несмотря на всю ея сложность и разнообразіе, страдала отсутствіемъ одного важнаго элемента, а именно русской деревни, русскаго народа, если не считать первой пробы, сдѣланной произведеніями Даля и даже Григоровича.

Но вотъ передъ нашимъ взоромъ разстилается, по словамъ одного изъ нашихъ критиковъ, „поэтически—тонко переданная вся унылая прелесть великорусской природы и безконечный просторъ полей съ разсыпанными среди нихъ деревушками, барскими садами и глушь лѣсовъ. На этомъ фонѣ проходятъ передъ нами самые разнообразныя типы крестьянъ. Волшебное полотно художника, развертываясь дальше, переноситъ насъ въ другую сферу. Передъ нами помѣщичьи усадьбы, провинціальныя уѣздныя и губернскіе города, и наконецъ Москва; изображается жизнь дворянства и вообще интеллигентныхъ классовъ“.*) Въ большомъ рядѣ то крупныхъ, то мелкихъ произведеній Тургеневъ охватилъ цѣлую огромную полосу русскаго развитія, начало которой теряется въ XVIII в., а конецъ подходитъ близко къ нашимъ днямъ, и изобразилъ это въ ярко обрисованныхъ художественныхъ образахъ. Вызванный имъ живой интересъ къ литературѣ и къ тѣмъ явленіямъ, какія она изобразила, постепенно складывался въ потребность, въ привычку видѣть въ литературѣ выраженіе типичныхъ явленій жизни, относиться къ нимъ глубоко вдумчиво, сознательно, серьезно и стремиться къ улучшеніямъ, которыя дѣйствительно были произведены. Таковы, напр., улучшенія, коснувшіяся жизни крестьянъ реформой 1861 года, а затѣмъ и остальные, создавшія въ общей сложности цѣлую эпоху великихъ реформъ. Такимъ образомъ, являясь писателемъ—художникомъ, чуждымъ всякой тенденціи, Тургеневъ является въ тоже время воспитателемъ—педагогомъ въ высокомъ значеніи этого слова. Его заслуги для рус-

*) Грузинскій. Литературныя очерки, стр. 213.

скаго просвѣщенія и для русской школы основываются прежде всего на его художественныхъ произведеніяхъ, а затѣмъ на его личномъ и непосредственномъ участіи въ вопросахъ, тѣсно связанныхъ со всѣми мѣропріятіями, которыя касались нашего просвѣщенія и образованія вообще, и нашего школьнаго дѣла въ частности.

Въ настоящее время, когда Тургенева читаетъ вся грамотная Россія, и безъ его произведеній не обходится обученіе ни въ одной русской школѣ, выяснить, въ чемъ именно заключаются эти заслуги Тургенева, является справедливою данью памяти нашего великаго писателя—художника, посвящаемой его чествованію по случаю исполнившейся 25-лѣтней годовщины со дня его смерти.

Въ нашей критической и педагогической литературѣ признается вполне установленнымъ фактомъ, что поэзія, поэтическія произведенія имѣютъ благотворное значеніе въ дѣлѣ облагороженія ума и чувства человѣка, а также подготовки ихъ къ дѣйствительной жизни. Это значеніе прямо вытекаетъ изъ свойства поэзіи умиротворять и успокаивать душевныя волненія; затѣмъ, отвлекая вниманіе отъ мелочныхъ интересовъ и останавливая его на предметахъ идеальныхъ, возвышенныхъ, эти произведенія воспитываютъ привычку жить этими интересами, погружаться въ нихъ въ тѣ или иныя минуты жизни и такъ образомъ предохраняютъ отъ вреднаго вліянія тѣхъ отрицательныхъ явленій, съ какими приходится человѣку сталкиваться въ жизни. Въ послѣдніе годы особенно усиленныхъ нападковъ на школу и ея дѣятелей—многіе говорятъ съ сожалѣніемъ о томъ, что дѣти, подростки и юноши не понимаютъ всей прелести поэтическихъ произведеній, и въ этомъ виновата-де школа. Между тѣмъ одна изъ важныхъ задачъ воспитанія и образованія, а стало быть школы заключается въ томъ, чтобы подготовить юношество къ *будущему* пониманію поэзіи. Какъ въ музыкѣ и пѣніи образованіе заключается въ томъ, чтобы развить слухъ, поставить голосъ и изощрить музыкальную сторону духа, такъ и здѣсь необходимо развить поэтическія стремленія души и въ своемъ родѣ поставить мысль, направивъ ее въ сторону правильнаго воспріятія художественныхъ образовъ. Съ этой точки зрѣнія не можетъ имѣть рѣшающаго и особенно важнаго значенія то обстоятельство, что поэтическое произведеніе въ его цѣломъ, его идея, его концепція, заключенныя въ немъ высшія созерцанія остаются пока недоступными юному уму. Важно то, чтобы были пока усвоены и поняты отдѣльные художественные образы, такъ какъ ихъ усвоеніе имѣетъ

огромное вліяніе на развитіе симпатическаго воображенія, безъ котораго, нельзя по мнѣнію психологовъ*), ни понимать искусства, ни быть гуманнымъ человѣкомъ; вмѣстѣ съ этимъ должно развиваться чувство правды и чутье дѣйствительности тѣмъ легче, что самые образы поэзіи воспринимаются юнымъ умомъ не какъ отвлеченія, а какъ конкретныя фигуры. Въ то же время обладая благодѣтельной силой отвлекать душу отъ эгоистическихъ помысловъ о себѣ самой, поэзія всегда переноситъ ее въ сферу другихъ, болѣе широкихъ и возвышенныхъ интересовъ, заставляетъ „перевоплощаться“, мыслить и чувствовать за другихъ, радоваться и страдать вмѣстѣ съ другими людьми. На этой почвѣ вырастаетъ сочувствіе, состраданіе, гуманность, общечеловѣчскій идеаль, какъ прочное основаніе душевной устойчивости и душевнаго равновѣсія.

Если мы теперь съ точки зрѣнія изложенныхъ взглядовъ сдѣлаемъ обзоръ по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ произведеній Тургенева, то убѣдимся въ томъ, что они заключаютъ всѣ тѣ элементы, которыми гарантируется высокое воспитательное воздѣйствіе.

Прежде всего остановимъ вниманіе на „Запискахъ Охотника“, огромное и неумирающее значеніе которыхъ основывается на томъ, что онѣ даютъ намъ здоровые народные типы, прямо выхваченные изъ жизни и не созданные въ угоду какой-либо тенденціи. Правдивыя и скорбныя фигуры крестьянъ выставлены здѣсь во всемъ разнообразіи и разновидности тѣхъ особенностей, какія вырабатывались извѣстной индивидуальностью на почвѣ укрѣпившейся обстановки крѣпостнаго права. Они изображены здѣсь то забытыми и жалкими, то терпѣливыми и молчаливыми, но всѣ они отличаются спокойствіемъ и увѣренностью, всѣ они одарены необыкновенно чуткой и отзывчивой душой. Достаточно назвать Бирюка, угрюмаго съ виду, но глубоко сердечнаго и отзывчиваго, или Касьяна, или Калиныча—этихъ идеалистовъ, или наконецъ многострадальную Лукерью, которая переноситъ свои страданія безъ тѣни ропота, съ полнымъ сознаніемъ того, что они посланы ей даромъ, которая, несмотря на свои страданія, сохранила любовь къ людямъ, къ природѣ и ея созданіямъ, чтобы видѣть то долготерпѣніе на-

---

*) Д. Н. Овсянко - Куликовскій. Этюды о творчествѣ Тургенева, стр. 155.

рода, то добродушіе и мягкосердечіе, то пассивное геройство, тотъ богатѣйшій источникъ задатковъ самаго высокаго культурнаго состоянія, какой подмѣтилъ и художественно изобразилъ Тургеневъ. Одними „Записками Охотника“ не исчерпываются картины дореформеннаго уклада русской жизни. Ихъ у Тургенева очень много, и они изображаютъ не одни только хорошія стороны, не одни доблести, но и дурныя. Отъ патриархальныхъ уголковъ, художественно описанныхъ въ „Затишьѣ“ и „Фаустѣ“, до нарядныхъ городскихъ жилищъ Ласунской, Калитиной и Стаховыхъ мы видимъ огромное разнообразіе, безконечныя варіаціи одной и той же обстановки. Въ этой средѣ изъ дѣвицъ Коробьиныхъ („Двор. гнѣздо“) и княженъ Осининыхъ („Дымъ“) естественно формировались такія личности, какъ Варвара Павловна Лаврецкая и Ирина Ратмирова; въ этой же средѣ глубоко страдают героини „Переписки“; въ этой же средѣ напрасно ждутъ крыльевъ чтобы вырваться отсюда такія личности, какъ Ася; безуспѣшно пытаются освободиться отъ этой обстановки такія цѣльныя личности, какъ Наталія, спасаются бѣгствомъ такія сильныя волей, какъ Елена („Наканунъ“), живутъ особнякомъ, въ твердомъ убѣжденіи, что счастье не для нихъ, такія религіозныя натуры, какъ Лиза Калитина и наконецъ гибнутъ различнымъ образомъ такія, какъ Сусанна („Несчастная“), Вѣра („Фаустъ“) Тутъ мы встрѣчаемъ и идеалиста Рудина, и практика — карьериста Паншина.

На фонѣ фактическаго изложенія обстоятельствъ жизни героевъ поэтъ-художникъ обстоятельно и полно знакомитъ съ настроеніемъ общества, со взглядами и привычками, накопленными поколѣніями, и съ тѣми идейными началами, которыя дѣйствовали въ этой средѣ, не давали ей окончательно замирать въ старыхъ формахъ и выбрасывали на поверхность живые и свѣжіе элементы. Особеннаго вниманія въ данномъ отношеніи заслуживаетъ то, что Тургеневъ хорошо охарактеризовалъ стремленіе закрѣпощеннаго народа къ просвѣщенію и благодѣтельное воздѣйствіе даже элементарнаго образованія на нравственный строй простолюдина. Лучшіе представители крѣпостнаго населенія въ „Запискахъ Охотника“ являются грамотными, и глубоко цѣнятъ образованіе. Грамотными оказываются такіе идеалисты, какъ Калинычъ и Касьянъ съ Красивой Мечи. Хорь, хотя неграмотенъ, но цѣнитъ образованіе, готовъ поучиться полезному у нѣмцевъ; одного изъ своихъ сыновей онъ выучилъ грамотѣ и жалѣетъ, что остальные остались безграмотными. Что же касается оцѣнки грамотности

крестьянами, то слѣдуетъ замѣтить, что грамотные цѣнятъ ее больше съ практической точки зрѣнія (напр. Хорь, ведущій торговые обороты, и мужъ „мельничихи“ Арины, выкупившій ее на свободу, такъ какъ нуждался въ грамотной женѣ для своихъ коммерческихъ интересовъ). Для грамотныхъ крестьянъ грамота является могучимъ орудіемъ нравственнаго самоусовершенствованія. Это можно подтвердить характеристикой Калиныча, котораго Тургеневъ причисляетъ къ разряду „идеалистовъ, романтиковъ, людей всестороннихъ и мечтательныхъ“. Грамотный Касьянъ (съ Красивой Мечи) тоскуетъ по высшей справедливости и живетъ одною жизнью съ природой. Грамотный Акимъ („Постоялый дворъ“) прогоняетъ грѣшныя мысли чтеніемъ разныхъ священныхъ книгъ, къ которымъ питаетъ большое уваженіе. Наконецъ Лукерья („Живыя Мощи“) любитъ читать книги, по всей вѣроятности духовнаго содержанія. Въ нихъ она черпаетъ силу для терпѣливаго несенія посланныхъ ей судьбою страданій, полагая, что коль скоро Богъ послалъ ей крестъ, значитъ Онъ ее любитъ и помогаетъ ей страданіями очистить свою душу. Въ эпоху, наступившую послѣ отмѣны крѣпостнаго права, дѣятельность русской интеллигенціи, стремившейся къ просвѣщенію народа, становится особенно замѣтною, и это общественное настроеніе эпохи Тургеневъ отмѣчаетъ въ характерѣ и поступкахъ героевъ своихъ произведеній. Такъ, Артемій Кирсановъ изучаетъ организацію воскресныхъ школъ. Татьяна („Дымъ“) устраиваетъ въ своемъ имѣніи школу для крестьянскихъ дѣтей. Маріянна („Новь“) даетъ уроки въ народной школѣ. Соломинъ нанимаетъ учителя для жены своего помощника и учреждаетъ при фабрикѣ школу. Этимъ Тургеневъ не ограничивается: онъ не только заставилъ лучшихъ изъ дѣйствующихъ лицъ своихъ романовъ принять участіе въ этой высокой миссіи образованія народа, но заклеилъ безпощадной ироніей и сарказмомъ лицъ, враждебно настроенныхъ къ народной школѣ. Таковы выведенные въ „Дымѣ“ „баденскіе генералы“—эти представители нашего дворянскаго общества. Они не могли найти на родинѣ хорошей и полезной работы, и проживая свои средства за границей, требуютъ настойчиво, чтобы было остановлено распространеніе народныхъ школъ. Къ нимъ слѣдуетъ причислить Калломѣйцева („Новь“). Онъ не говоритъ, что надо остановить распространеніе народныхъ школъ, но онъ совершенно не понимаетъ того, въ чемъ заключается значеніе школы для народа. Посѣтивъ однажды народную школу, Калломѣйцевъ спрашиваетъ учениковъ: „что есть строфокамель?

что есть пиюикъ?“ Но ни учитель, ни ученики не смогли отвѣтить на его вопросы; когда въ послѣдствіи въ обществѣ начали его спрашивать, зачѣмъ это знать, то онъ отвѣтилъ: „а зачѣмъ, что для крестьянъ лучше знать пиюика или строфокамила, чѣмъ какого-нибудь Прудона или Адама Смита“*). Таковы типы ретроградовъ, выведенные въ произведеніяхъ Тургенева, которые рѣзко и опредѣленно высказываютъ свое отрицательное отношеніе къ народному образованію и этимъ производятъ отталкивающее впечатлѣніе.

Вообще надо сказать, что Тургеневъ высоко и серьезно смотрѣлъ на дѣло народнаго образованія, полагая, что просвѣщеніе народа составляетъ одну изъ высочайшихъ задачъ русскаго образованнаго общества. Его глазами смотрятъ на это дѣло лучшіе изъ дѣйствующихъ лицъ его романовъ, принимающіе участіе въ этомъ дѣлѣ. Героиня романа „Новъ“ Маріянна говоритъ Татьянѣ: „Вы думаете, мы хотимъ учить народъ; нѣтъ, мы ему служить хотимъ“. — Какъ такъ служить? — удивленно спрашиваетъ эта грамотная крестьянка. На это Маріянна отвѣчаетъ: „Учите его: вотъ вамъ и служба“**).

Отводя въ своихъ произведеніяхъ значительное мѣсто всему тому, что имѣетъ тѣсную связь съ дѣломъ народнаго образованія, Тургеневъ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ полную характеристику и всѣхъ просвѣтительныхъ вліяній на русскую жизнь въ теченіе цѣлаго столѣтія. Съ особенной яркостью передано могучее воздѣйствіе нѣмецкой литературы и науки, оставившее глубокіе слѣды въ развитіи нашего общества и въ исторіи нашего просвѣщенія.

Весь тотъ сложный процессъ, вся та эволюція, толчокъ которой сообщила нѣмецкая идеалистическая философія, изучавшаяся въ молодыхъ университетскихъ кружкахъ 30-хъ годовъ XIX вѣка и приведшая къ выработкѣ сознательныхъ общественныхъ идеаловъ у людей 40-хъ годовъ, именно: Станкевича, Грановскаго, Бѣлинскаго, Герцена и др. — весь этотъ процессъ нашелъ яркое и всестороннее отраженіе въ произведеніяхъ Тургенева. Съ мастерствомъ тонкаго художника охарактеризовалъ онъ и тѣ два главныхъ теченія — славянофильское и западническое, которыя даютъ основной тонъ и направленіе всей русской жизни и въ послѣдующее время. Мастерскія характеристики соединяются съ высоко-художественными описаніями природы русской, способными не только заинтересовать глубоко, но

*) Собр. сочин. Тургенева, изд. 1898 г. (А. Ф. Маркса), т. 4, стр. 64.

***) Собр. сочин. Тургенева, изд. 1898 г. (А. Ф. Маркса), т. 4, стр. 204.

и вызвать цѣлое сочувствіе „тишиною роскошныхъ пустырей, едва охватываемыхъ глазомъ, красотой глуши, однообразными помѣщичьими усадьбами родной страны и необъятной ширью природы, богатой и изобильной.“

Въ огромномъ разнообразіи сюжетовъ, художественности ихъ обработкѣ бросается въ глаза особый характеръ и тонъ изображенія. Какія бы потрясающія и мрачныя явленія жизни Тургеневъ ни описывалъ, какія бы грязныя стороны ея онъ ни изображалъ, всегда онъ соблюдаетъ мѣру настолько, что зло, ложь и грязь никогда не могутъ оскорбить нравственное чувство читателя. Поэтъ-художникъ всегда во-время набрасываетъ покрывало на то, что способно было бы помѣшать анализировать явленіе, найти его причины и значеніе, если бы оно не было своевременно прикрито. Достаточно вспомнить „Дворянское гнѣздо“, и тѣ мѣста этого произведенія, которыя касаются легкомысленной жизни Варвары Павловны Лаврецкой, чтобы убѣдиться въ справедливости высказаннаго положенія. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще то, что какія-бы уродства жизни Тургеневъ ни выводилъ, вездѣ у него проглядываетъ любовь къ человѣку, и въ его паденіи онъ умѣетъ отыскать хоть что-нибудь человѣческое. Смѣясь надъ уродствами жизни, скорбя объ уклоненіяхъ отъ правды, добра и красоты, Тургеневъ выражаетъ глубокую вѣру въ жизнь, въ то, что она будетъ лучше. Эта надежда на лучшее будущее съ особенною силою сказывается въ тѣхъ мѣстахъ его произведеній, гдѣ онъ затрогиваетъ вопросъ о судьбѣ родины, и всѣ его произведенія возбуждаютъ въ читателѣ не отвращеніе къ ней и не отчаяніе за нее, а тихую скорбь и серьезное раздумье. Чтобы не быть голословнымъ, можно указать хотя бы на „Муму“, „Малиновая вода“, не говоря уже о другихъ какъ мелкихъ, такъ и крупныхъ. Обратитъ дѣтское вниманіе на такіе образы, какъ Герасимъ, Ермолай, Степушка, Лукерья, на такое положеніе, какъ положеніе Власа („Малиновая вода“), на побѣду человѣческаго „чувства милосердія надъ неумолимою строгостью кары“ въ „Бирюкѣ“—значитъ внести въ душу то чувство христіанскаго участія къ меньшимъ братьямъ, которое является однимъ изъ главныхъ воспитательныхъ стимуловъ. Мало того среди множества людей, населяющихъ страницы произведеній Тургенева, есть такія обаятельныя личности, которыя способны оказать высокое гуманизирующее вліяніе на человѣка, и знакомство съ которыми должно заронить въ любое, несовсѣмъ мертвое сердце искры душевной красоты и бла-

городства, а также тѣхъ высокихъ идеальныхъ порывовъ и стремленій, которыя суммируясь могутъ воспитать идеальную личность.

Широко и обстоятельно знакомя съ отечествомъ, пробуждая и воспитывая къ нему глубокія симпатіи, произведенія Тургенева кладутъ прочное основаніе того патриотизма, который составляетъ одно изъ высокихъ качествъ самого Тургенева. Глубоко проникнутый этимъ чувствомъ и находясь подъ вліяніемъ Станкевича и Бѣлинскаго, Тургеневъ выработалъ для себя программу, суть которой сводилась къ тому, чтобы „дать крѣпостнымъ свободу, обезпечить ихъ въ матеріальномъ отношеніи и позаботиться объ ихъ умственномъ и нравственномъ образованіи. „Кто любитъ Россію“, говоритъ Станкевичъ, „тотъ прежде всего долженъ желать распространенія въ ней образованія“. Тургеневъ со своими друзьями—Грановскимъ и Невѣровымъ дали торжественное обѣщаніе всѣ силы и всю дѣятельность посвятить этой высокой цѣли.

Подъ вліяніемъ этого обѣщанія Тургеневъ послѣ своего возвращенія изъ-за границы въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія „собирался сдѣлаться педагогомъ, профессоромъ, ученымъ“, какъ онъ выразился въ разговорѣ съ Семевскимъ въ 1880 году. Хотя этому желанію и не суждено было осуществиться, и Тургеневъ выступилъ на поприще просвѣтительной дѣятельности въ качествѣ писателя-художника, онъ не могъ однако забыть вопросовъ народнаго образованія уже потому, что считалъ освобожденіе крестьянъ и распространеніе среди нихъ образованія самыми живыми и національными вопросами. Интересъ къ вопросамъ народнаго образованія съ особой силой проявился у Тургенева наканунѣ освобожденія крестьянъ. Слѣдя за ходомъ развитія этого вопроса изъ-за границы, Тургеневъ въ 1860 г. задался мыслью основать „Общество для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія“ съ помощью имущихъ и развитыхъ классовъ всего государства. Онъ составилъ программу задуманнаго общества и представилъ его на обсужденіе русской колоніи на островѣ Уайтѣ, гдѣ онъ самъ жилъ тогда. Послѣ многихъ передѣлокъ, измѣненій, дополненій и поправокъ программа была принята. Но авторъ проекта этимъ не ограничился: онъ пожелалъ знать мнѣніе всей Россіи о своемъ планѣ и написалъ письмо, съ которымъ предполагалось разослать проектъ программы задуманнаго общества „всѣмъ выдающимся лицамъ обѣихъ столицъ—художникамъ, литерато-

рамъ, ревнителямъ просвѣщенія и вліятельнымъ особамъ, проживающимъ дома и за границей“. Большинство изъ тѣхъ лицъ, которыя получили это предложеніе изъявили согласіе вступить въ члены Общества; однако нѣкоторые, какъ утверждаетъ Анненковъ, — а ему первому Тургеневъ послалъ эту программу, — высказали мысль о томъ, что „программу слѣдовало бы начертать съ большой ясностью, подробностью и большимъ знаніемъ особыхъ условій русской жизни“. Эти „особыя условія“, по всей вѣроятности, заставили Тургенева отказаться отъ задуманнаго имъ плана: его проэктъ не былъ даже представленъ на утвержденіе; и на этотъ разъ попытка Тургенева выступить на поприще „педагога“ осталась неосуществленной. Тѣмъ не менѣе этотъ проэктъ является интереснымъ документомъ, характеризующимъ педагогическіе взгляды нашего знаменитаго писателя. Въ этомъ проэктѣ Тургеневъ пишетъ, между прочимъ слѣдующее: „Есть факты, очевидная полезность которыхъ дотога несомнѣнна, что не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ. Къ такимъ фактамъ принадлежитъ необходимость распространенія грамотности и элементарныхъ общепользныхъ свѣдѣній въ Россіи. Эта необходимость чувствуется всѣми: и правительствомъ, которое между прочими заботами, клонящимися къ просвѣщенію нашего отечества, печется также о распространеніи грамотности въ полкахъ, и частными людьми, заводящими школы — воскресныя, городскія и сельскія, и другими лицами, занимающимися изданіемъ дешевыхъ книгъ для народа“ *). Въ интересахъ тѣснаго объединенія всѣхъ этихъ „благотворныхъ и достойныхъ нашего сочувствія стремленій проэктируется новое Общество, чтобы, какъ выражается Тургеневъ, „въ это благое дѣло внести могущество единодушныхъ дружныхъ усилій и свѣтосознательной мысли.“ Главную цѣль дѣятельности будущаго Общества Тургеневъ формулируетъ такъ: „Заводить какъ можно больше школъ, пропускать какъ можно больше лицъ сквозь эти школы, и въ найвозможно кратчайшее время, — вотъ въ чемъ должна состоять задача нашего Общества.“ Другими словами: „мы должны стараться развести какъ можно больше лицъ, умѣющихъ читать, писать, знающихъ Законъ Божій, первыя правила ариѳметики и имѣющихъ самыя первоначальныя свѣдѣнія въ исторіи и гео-

---

*). Собр. сочин. И. С. Тургенева, изд. 1898 г (А. Ф. Маркса) т. 12, стр. 345 — 355

графіи“. Кромѣ того Тургеневъ указывалъ и средства для осуществленія этой высокой задачи, и въ числѣ ихъ—помощь устроителямъ школъ совѣтами и деньгами, изданіе учебныхъ книгъ и руководствъ, устройство дешевыхъ кабинетовъ для чтенія и наконецъ изданіе спеціального органа Общества. Опредѣливъ точно кругъ знаній, необходимыхъ для освобожденнаго народа и заключающихся въ слѣдующихъ предметахъ: азбукѣ, грамотѣ, Законѣ Божіемъ, элементарныхъ свѣдѣніяхъ изъ русскаго законодательства относительно правъ и обязанностей состояній, изъ ариѳметики, географіи, естественныхъ наукъ, технологіи, земледѣлія и скотоводства, вообще хозяйства въ обширномъ смыслѣ слова, Тургеневъ рекомендуетъ допускать беллетристику, какъ матеріаль для народнаго чтенія, съ величайшей осторожностью, и отдаетъ предпочтеніе избраннымъ біографіямъ и хорошимъ описаніямъ путешествій; требуетъ при этомъ, чтобы языкъ изданій, предназначавшихся для народа, лишень былъ сказочнаго и прибауточнаго тона, такъ какъ съ съ народомъ надо обращаться искренно, честно и съ полнымъ уваженіемъ“.

Неудача, постигшая этотъ проэктъ, не охладила Тургенева къ вопросамъ народнаго образованія. Фетъ въ своихъ воспоминаніяхъ*) говоритъ, что Тургеневъ представлялъ Россію какимъ—то параличнымъ тѣломъ, которое нужно гальванизировать всѣми возможными средствами, стараясь буравить это тѣло всяческими буравами, въ томъ числѣ и грамотностью“. Знаменитый нашъ писатель—романистъ считаетъ необходимымъ самое широкое распространеніе грамотности, и не останавливается даже передъ закономъ объ обязательномъ обученіи. По его взгляду человекъ образованный, ставшій въ болѣе или менѣе близкія отношенія къ народу, уже этимъ налагаетъ на себя священную обязанность научить неграмотнаго читать и писать. Факты, иллюстрирующіе этотъ взглядъ, Тургеневъ привелъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ. Такъ, другъ Петра Петровича Каратаева Пантелей Горностаевъ выучилъ писать убѣжавшую къ его другу отъ жестокой барыни дворовую дѣвушку Матрену. Тетка Лаврецкаго Марѳа Тимофеевна выучила грамотѣ его мать, бывшую крѣпостную. Яковъ Пасынковъ выучилъ читать и писать простую дѣвушку, съ которой его сблизила судьба. Въ разсказѣ „Часы“ выведены юные мечтатели,

*) С. Ашевскій. Тургеневъ и народное образованіе, стр. 6.

которые въ самомъ началѣ XIX в. собираются переселиться въ Москву и строить тамъ большія училища для бѣдныхъ дѣтей. Слова Тургенева, вложенныя въ уста героевъ его произведеній касательно народнаго образованія, а также высказанныя имъ самимъ, не расходились съ его дѣломъ, которое можетъ въ данномъ случаѣ характеризовать его заботы о сельской школѣ, устроенной имъ въ своемъ имѣнїи Спасскомъ — Лутовиновѣ. На протяженіи цѣлаго десятка лѣтъ, вплоть до его смерти тянутся эти заботы, ни на минуту не прерываясь, какъ объ этомъ свидѣтельствуесть его переписка; эти заботы краснорѣчиво убѣждаютъ насъ въ томъ, насколько дорого и близко сердцу Тургенева было образованіе родного ему народа. Живя за границей, Тургеневъ внимательно слѣдитъ за своей школой, за ходомъ занятій въ ней и даже за методами преподаванія, пишетъ своему управляющему о необходимости замѣнить старые методы новыми, сѣтуесть на то, что употребляются тѣлесныя наказанія въ его школѣ, требуетъ обратить на это вниманіе и всѣми мѣрами старается содѣйствовать успѣху школы. Особенно серьезное вниманіе Тургенева привлекали учителя, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависѣлъ успѣхъ дѣла. Матеріальная необеспеченность ихъ была причиной того, что трудно было найти подходящаго учителя, а если и были такіе, то, какъ видно изъ письма Тургенева отъ 15 апрѣля 1872 года, они сами часто оставляли школу. Частая перемѣна учителей и отсутствіе надлежащаго руководства не всегда благопріятно отражалось на успѣхахъ Спасской школы, и это доставляло большое огорченіе И. С. Тургеневу. Съ неослабвающимъ интересомъ слѣдитъ Тургеневъ и за успѣхами его питомцевъ; лучшихъ изъ нихъ онъ поддерживаетъ матеріальными средствами, давая возможность продолжать образованіе; поддерживаетъ также совѣтами и наставленіями, въ которыхъ указываетъ на великую силу и значеніе образованія. Разъясняя пользу образованія своимъ стипендіатамъ, Тургеневъ старается въ тоже время подѣйствовать горячимъ словомъ убѣжденія и на темную крестьянскую массу своей деревни, которая еще не вполне сознавала пользу грамотности. 4 сентября 1882 года, т. е. за годъ до своей смерти, изъ Будживалы Тургеневъ пишетъ своимъ крестьянамъ: „жалѣю, что ваши дѣти мало посѣщаютъ школу. Помните, что въ наше время *безграмотный человекъ тоже, что слѣпой или безрукій* *).“

*) Ашевскій. Тургеневъ и народное образованіе, стр. 9.

Прошло четверть вѣка съ того времени, какъ не стало нашего великаго художника-романиста, однако эти золотыя слова и до сихъ поръ остаются завѣщаніемъ русскому образованному обществу и притомъ завѣщаніемъ, которое остается невыполненнымъ.

Подводя итогъ всему сказанному, необходимо замѣтить, что Тургеневъ цѣлымъ рядомъ своихъ художественныхъ произведеній и выведенныхъ въ нихъ типовъ создалъ эпоху въ исторіи нашего просвѣщенія. Отмѣчая опредѣленно какъ недостатки жизни, такъ и тѣ идеалы, какими жили лучшіе представители нашего общества, Тургеневъ будилъ общественную мысль, общественное самосознаніе; онъ заставлялъ общество вдуматься глубже въ тѣ интересы, которыми оно жило, сдѣлать безпристрастную оцѣнку ихъ и стремиться къ улучшеніямъ на почвѣ выработки новыхъ общественныхъ идеаловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ зрѣла мысль общества о необходимости реформъ, которыя явились въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія результатомъ той подготовительной работы, какая совершена была произведеніями Тургенева. Императоръ Александръ II всегда называлъ „Записки Охотника“ своею настольною книгою, побудившею его окончательно провести крестьянскую реформу. Этимъ опредѣляется ихъ роль въ исторіи. Кромѣ того, выражая свое полное сочувствіе всякому проблеску общественной мысли, общественнаго самосознанія, Тургеневъ всегда горячо ратовалъ за просвѣщеніе широкихъ народныхъ массъ, о чемъ свидѣтельствуютъ приведенные нами факты изъ его жизни и мѣста изъ его произведеній. Въ нихъ онъ заклеилъ печатью презрѣнія тѣхъ, которые не сочувствовали этой идеѣ и опредѣленно формулировалъ задачи русской интеллигенціи въ отношеніи къ просвѣщенію своего отечества. Для разсадниковъ же просвѣщенія—школъ онъ далъ своими произведеніями высоко—образовательныя, гуманизирующія средства, которыя и по языку, и по содержанію являются незамѣнимыми. Это признано нашей критикой, эти же достоинства оцѣнены и иностранной критикой. Вогюэ, напр., о языкѣ „Записокъ Охотника“ говоритъ слѣдующее: „Рѣчь Тургенева льется плавно и роскошно подобно тому, какъ стелется подъ тѣнью дремучихъ лѣсовъ тихо и задумчиво, гармонично шумя въ камышахъ и распространяя вокругъ неуловимый ароматъ, могучая русская рѣка, вынося на своей поверхности полевые цвѣты, оторванныя гнѣзда, отражая въ себѣ безконечные ландшафты небесъ и луговъ, и вдругъ снова теряясь въ сумракѣ лѣсныхъ

чащъ...“*). Въ содержаніи своихъ произведеній онъ далъ неисчерпаемый и богатый запасъ разнообразныхъ свѣдѣній, знакомящихъ широко съ родиной, ея природой, людьми и условіями ихъ жизни. Та глубокая любовь къ человѣку, которая, какъ мы уже сказали, составляетъ отличительную черту произведеній Тургенева, съ особой силой и рельефностью сказывается тогда, когда Тургеневу приходится говорить о дѣтяхъ, о молодежи, будутъ ли это крестьянскіе дѣти, какъ, напр., въ „Бѣжиномъ лугѣ“, или помѣщичьи, какъ напр. въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“. Теплота и благожелательность, съ которою онъ описываетъ ихъ занятія и интересы, видя въ ихъ зародыши будущихъ свѣтлыхъ надеждъ, глубокая вѣра въ нихъ свидѣлствуютъ о томъ, что онъ былъ искреннимъ другомъ юношества и молодежи, для которыхъ его произведенія раскрываютъ всю богатую сокровищницу русскаго духа и даютъ при этомъ облагораживающій запасъ идей и представленій, выражаемыхъ конкретно въ фактахъ русской жизни, поступкахъ и характерѣ героевъ его произведеній.

Если такъ велики и глубоко цѣнны заслуги Тургенева для русскаго просвѣщенія и русской школы вообще, то тѣмъ значительнѣе онъ для нашей русской школы здѣсь, на окраинѣ. Тотъ „великій, богатый, могучій и сильный русскій языкъ“, достоинство котораго съ такимъ совершенствомъ и полнотою показалъ намъ незабвенный писатель-художникъ въ своихъ произведеніяхъ, раздается здѣсь только въ стѣнахъ школы, правительственныхъ учрежденій, да въ тѣхъ русскихъ семьяхъ, кормильцы коихъ судьбой заброшены сюда дѣлать въ той или иной сферѣ „Государево дѣло“. Въ этихъ очаговъ раздается нерусская рѣчь. Слушая эту рѣчь, русскія дѣти невольно усваиваютъ ея слова и обороты, а это вліяетъ неблагоприятно на выработку навыка правильно и точно выражаться на своемъ родномъ языкѣ, другими словами это служитъ причиной порчи разговорнаго языка въ тотъ періодъ жизни дѣтей, когда это имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ изученія родного языка. Произведенія нашего великаго художника — романиста, являющагося послѣ Пушкина первымъ стилистомъ, служатъ тѣмъ высокимъ и незамѣнимымъ образовательнымъ матеріаломъ, при помощи котораго идетъ правильное обученіе дѣтей родному русскому языку, предохраняя этотъ языкъ въ устахъ дѣтей отъ порчи. На его произведеніяхъ совершается широкое знакомство съ

*) Грузинскій. Литературные очерки, стр. 214.

родной русской жизнью, съ картинами ея природы и быта, которыя для многихъ, поставленныхъ въ необходимость постоянно жить здѣсь, на окраинѣ, становятся недоступными для непосредственнаго изученія. Поэтому въ произведеніяхъ нашего великаго художника — романиста, память коего мы сегодня чествуемъ, дается надежная гарантія въ томъ, что дѣти наши получаютъ и сохраняютъ знаніе родного языка и родной жизни, такъ полно и художественно изображенной въ его многочисленныхъ произведеніяхъ; для насъ же—педагоговъ, эти произведенія должны поэтому служить тѣмъ высокимъ и надежнымъ знаменемъ, подъ которымъ можетъ вполне успѣшно идти тяжелая, но благородная работа нашей русской школы.

Такимъ образомъ, Тургеневъ, выполнивъ извѣстную „Аннибалову клятву“, выполнилъ и то завѣщаніе, какое оставилъ его учитель и близкій другъ Бѣлинскій, считавшій широкое распространеніе просвѣщенія въ Россіи однимъ изъ самыхъ важныхъ и коренныхъ вопросовъ, служащихъ залогомъ культурнаго прогресса нашей націи и процвѣтанія нашей родины.

Вячеславъ Каминскій.

22 августа 1908 года.

М. Т.

Въ настоящее время сдѣлалась общимъ достояніемъ простая мысль, что тотъ или другой литературный типъ, извѣстное художественное произведеніе, даже вся литературная дѣятельность болѣе или менѣе выдающагося писателя есть результатъ удачно сочетавшихся социальныхъ и культурно-бытовыхъ условій данной эпохи и ихъ воздѣйствія на душу писателя. Слѣдовательно для сознательнаго отношенія ко всякому литературному явленію требуется пониманіе этихъ условій и близкое знакомство съ личностью автора: *wer den Dichter will verstehen, muss in Dichters Lande gehen* по словамъ поэта (Гете). Поэтому, чтобы понять особенности творчества Тургенева, необходимо воспроизвести основныя черты эпохи, къ которой относится дѣятельность нашего писателя, а также и тѣ условія, среди которыхъ развивался его талантъ.

И. С. Тургеневъ, памяти котораго посвящено настоящее собраніе, родился 28 октября 1818 года, во вторую половину царствованія Императора Александра I, когда Россія, благодаря счастливому окончанію войны 12-го года и послѣдовавшему затѣмъ раскрѣпощенію западно-европейскихъ народовъ отъ подчиненія Франціи и Наполеону, начинаетъ играть преобладающую и руководящую роль въ концертѣ европейскихъ державъ. Подъ вліяніемъ болѣе тѣснаго сближенія Россіи съ западно-европейскою жизнью, обусловленнаго участіемъ Россіи въ трехъ послѣднихъ коалиціяхъ противъ Наполеона, и преобразовательной дѣятельности правительства въ первую половину царствованія Александра I стали опредѣляться болѣе или менѣе ясно въ 20-хъ годахъ 19-го столѣтія два кардинальныхъ явленія русской жизни прошлаго вѣка: борьба между славянофильствомъ и западничествомъ и отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву. Оба эти явленія оказали рѣшительное вліяніе на развитіе міровоззрѣнія Тургенева. Крѣпостное право было признано уже въ то время явленіемъ вреднымъ и, какъ таковое, отвергнуто въ принципѣ съ высоты престола, наукой и лучшими представителями интел-

лигентнаго русскаго общества: Однако оно продолжало существовать, и молодой Тургеневъ, сынъ богатаго помѣщика, воспринялъ въ дѣтствѣ немало тяжелыхъ впечатлѣній въ сферѣ крѣпостныхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. „Тотъ бытъ, та среда“, говоритъ нашъ писатель въ своихъ „Литературныхъ и житейскихъ воспоминаніяхъ“, и „особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ — полоса помѣщичья, крѣпостная—не представляла ничего такого, что могло бы удержать меня (въ Россіи). Напротивъ, почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувство смущенія, негодованія—отвращенія, наконецъ... Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ“. Далѣе поэтъ говоритъ, что объектомъ его ненависти, предметомъ, отравлявшимъ ему существованіе въ Россіи, — было крѣпостное право, съ которымъ онъ рѣшилъ бороться всю жизнь. Онъ, дѣйствительно, сдержалъ свою „Аннибаловскую клятву“: всѣ силы его огромнаго таланта были отданы на служеніе родинѣ, и никогда его благородное перо не измѣняло завѣтамъ гуманности и раскрѣпощенія русскаго крестьянства. Но, обладая характеромъ эмоціональнымъ по преимуществу, какимъ является характеръ почти всякаго истиннаго поэта-художника, съ душой любящей, страстно ищущей идеала, въ которомъ были бы примирены въ абсолютной гармоніи всѣ противорѣчія жизни, Тургеневъ не отличался боевыми чертами политическаго борца, стремящагося разрушить настоящее во имя той или иной теоріи; менѣе всего онъ былъ склоненъ увлекаться беспочвенными утопическими теоріями, хотя бы эти теоріи имѣли въ виду благо цѣлаго народа или даже всего человѣчества. Такихъ теорій создавалось много до и послѣ Тургенева, и немало талантливыхъ представителей русскаго интеллигентнаго общества прошлаго вѣка было захвачено и увлечено этими теоріями: живое чувство дѣйствительности было потеряно, связь съ родиной разорвана, пониманіе ея интересовъ, обыкновенно, затемнялось. Таковъ Чаадаевъ, Бакунинъ, Герценъ—живые люди, таковъ до нѣкоторой степени Рудинъ, литературный типъ. Нашъ писатель понималъ отрицательныя стороны этого типа и словами Лежнева хорошо опредѣлилъ беспочвенность и трагичность этого явленія русской жизни. „Несчастье Рудина“, говоритъ Лежневъ, „состоитъ въ томъ, что онъ Россіи не знаетъ, и это, точно, большое несчастье. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ

насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ, двойное горе тому, кто, дѣйствительно, безъ нея обходится. Космополитизмъ—чепуха, космополитъ—нуль, хуже нуля, внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ фізіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица, только пошлое лицо возможно безъ фізіономіи“. Кто изъ нашихъ славянофиловъ но подписался бы подъ этими словами! Но Тургеневъ считалъ себя западникомъ; объ этомъ онъ совершенно ясно и опредѣленно говоритъ въ своихъ „Литературныхъ и житейскихъ воспоминаніяхъ“: „Долго колебаться я не могъ. Надо было либо покориться и смиренно побрести общей колеей, по избитой дорогѣ, либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя „всѣхъ и вся“, даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу, Я такъ и сдѣлалъ... Я бросился внизъ головою въ „нѣмецкое“ море, долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я, наконецъ, вынырнулъ изъ его волнъ, я все-таки очутился „западникомъ“, и остался имъ навсегда“. Эти западническія убѣжденія Тургенева, образовавшіяся главнымъ образомъ на почвѣ отрицательнаго отношенія къ крѣпостному праву, совершенно не носили характера исключительности и нетерпимости фанатика — прозелита данной доктрины, и были далеки отъ тѣхъ крайностей боевого западничества, которыя такъ часто наблюдаются у Бѣлинскаго, напримѣръ, и которыя нерѣдко доводили до вражды и непріязни многихъ западниковъ къ людямъ противоположнаго лагеря и наоборотъ. „Я — коренной неисправимый западникъ“, говоритъ Тургеневъ въ небольшой замѣткѣ „По поводу „Отцовъ и дѣтей“, „и нисколько этого не скрывалъ и не скрываю; однако я, несмотря на это, съ особеннымъ удовольствіемъ вывелъ въ лицѣ Паншина (въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“) — всѣ комическія и пошлыя стороны западничества; я заставилъ славянофила Лаврецкаго „разбить его на всѣхъ пунктахъ“. Почему я это сдѣлалъ—я, считающій славянофильское ученіе ложнымъ и бесплоднымъ? Потому, что въ данномъ случаѣ — такимъ именно образомъ, по моимъ понятіямъ, сложилась жизнь, а я прежде всего хотѣлъ быть искреннимъ и правдивымъ“. И такъ, правдивость и искренность въ изображеніи дѣйствительности, отсутствіе тенденціозности и полная объективность поэтическаго творчества—вотъ отличительныя черты истиннаго таланта, какимъ былъ Тургеневъ, — а не слѣпое подчиненіе извѣстной теоріи или доктринѣ: не всегда вѣдь, явленія жизни, путемъ творческой интуиціи „схватываемыя“ и воспроизводимыя по-

этомъ, укладываются въ тѣсныя рамки данной теоріи или доктрины,—этихъ, далеко не всегда устойчивыхъ, построенной анализирующаго ума. „Нужна свобода, полная свобода возрѣній и понятій — и, наконецъ, нужна образованность, нужно знаніе!“ восклицаетъ въ той же замѣткѣ нашъ поэтъ. Онъ полагаетъ, что нигдѣ такъ свобода не нужна, какъ въ дѣлѣ художества, поэзіи: не даромъ даже на казенномъ языкѣ художества зовутся „вольными“, „свободными“. Своимъ поэтическимъ катехизисомъ Тургеневъ считаетъ безсмертный сонетъ Пушкина „Поэту“; каждый начинающій писатель, по мнѣнію нашего поэта, „долженъ вытвердить наизусть и помнить, какъ заповѣдь“, этотъ сонетъ, особенно извѣстный стихъ:

. . . . „дорогою свободной

Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ“.

Тургеневъ заканчиваетъ развитіе своей мысли категорическимъ заявленіемъ: „Нѣтъ! безъ образованія, безъ свободы въ обширнѣйшемъ смыслѣ—въ отношеніи къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже къ своему народу, къ своей исторіи,—немыслимъ истинный художникъ, безъ этого воздуха дышать нельзя“.

Изъ приведенныхъ цитатъ ясно, что западничество Тургенева приходится разсматривать не въ смыслѣ слѣпого слѣдованія извѣстной теоріи, а скорѣй какъ глубокое проникновеніе западной образованностью, которая находитъ въ лицѣ Тургенева своего блестящаго представителя и апологета. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ въ Россіи не было писателя, который такъ глубоко и всесторонне воспринялъ бы все, что только было на западѣ выдающагося и цѣннаго въ смыслѣ интеллектуальномъ, какъ И. С. Тургеневъ. При всемъ томъ онъ остался русскимъ человѣкомъ и сохранилъ вполне свою русскую суть, употребляя его любимое выраженіе, и эта русская суть была для него дороже всѣхъ чудесъ и дивъ Запада. Это ясно сознавалъ самъ писатель, обвинившій Рудина въ незнаніи Россіи и космополитизмѣ. „Я не думаю“, заявляетъ Тургеневъ въ „Литературныхъ и житейскихъ воспоминаніяхъ“, „чтобы мое западничество лишило меня всякаго сочувствія къ русской жизни, всякаго пониманія ея особенностей и нуждъ. „Записки Охотника“—эти, въ свое время новые, впоследствии далеко опереженные, этюды были написаны много за границей; нѣкоторые изъ нихъ—въ тяжелыя минуты раздумья о томъ: вернуться ли мнѣ

на родину, или нѣтъ? Мнѣ могутъ возразить, что та частичка русскаго духа, которая въ нихъ замѣчается, уцѣлѣла не по милости моихъ западныхъ убѣжденій, но несмотря на эти убѣжденія и помимо моей воли. Трудно спорить о подобномъ предметѣ, знаю только, что я, конечно, не написалъ бы „Записокъ Охотника“, если бы остался въ Россіи. Скажу также, что я никогда не признавалъ той непреступной черты, которую иные заботливые и даже рьяные, но мало свѣдущіе патріоты непремѣнно хотятъ провести между Россіей и Западной Европой, той Европой, съ которою порода, языкъ, вѣра такъ тѣсно ее связываютъ. Не составляетъ ли наша славянская раса—въ глазахъ филолога, этнографа—одной изъ главныхъ вѣтвей индо-германскаго племени? И если нельзя отрицать воздѣйствія Греціи на Римъ и обоихъ ихъ вмѣстѣ—на германо-романскій міръ, то на какомъ же основаніи не допускается воздѣйствія этого,—что ни говори-родственнаго, однороднаго міра на насъ? Неужели же мы такъ мало самобытны, такъ слабы, что должны бояться всякаго посторонняго вліянія и съ дѣтскимъ ужасомъ отмахиваться отъ него, какъ бы онъ насъ не испортилъ? Я этого не полагаю: я полагаю, напротивъ, что насъ хоть въ семи водахъ мой, — нашей русской сути изъ насъ не вывести. Да и что бы мы были, въ противномъ случаѣ, за плохенькій народецъ! Я сужу по собственному опыту: преданность моя началамъ, выработаннымъ западною жизнью,—не помѣшала мнѣ живо чувствовать и ревниво оберегать чистоту русской рѣчи. Отечественная критика, взводившая на меня столь многочисленныя, столь разнообразныя обвиненія, — помнится, ни разу не укоряла меня въ нечистотѣ и неправильности языка, въ подражательности чужому слогу.“ Это заявленіе писателя ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать голословнымъ: у насъ имѣется неопровержимое доказательство, что И. С. Тургеневъ былъ правъ, утверждая, что его западническія убѣжденія и симпатіи не помѣшали ему оставаться все время русскимъ человѣкомъ,—доказательствомъ этимъ является вся литературная дѣятельность нашего писателя. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлая галерея художественныхъ типовъ, въ которыхъ воплощены различныя стороны русской жизни, правдивость этихъ типовъ, искренность и глубина настроеній поэта неоспоримымъ образомъ доказываютъ, что Тургеневъ не разорвалъ, да и не могъ разорвать связи съ Россіей. Анализъ этихъ настроеній и типовъ Тургенева обнаруживаетъ глубокое пониманіе нашимъ писателемъ русской жизни и весьма чуткое отношеніе ко

всѣмъ явленіямъ родной дѣйствительности,— и это особенно замѣтно при изученіи женскихъ типовъ писателя.

I.

Юзефовичъ

Женщина—любимый объектъ творчества Тургенева. Его женскіе типы считаются перлами русской поэзии, въ оцѣнкѣ этихъ типовъ сходятся мнѣнія отечественныхъ и иностранныхъ критиковъ. Между тѣмъ на женскихъ типахъ Ивана Сергѣевича удобнѣе всего вскрыть ту крѣпкую органическую связь, которая всегда существовала между писателемъ и русской жизнью. Да иначе и быть не можетъ. Если мужчина представляетъ собою начало творческое, прогрессивное, то женщина, олицетворяя собою консервативное, охранительное начало, воплощаетъ въ себѣ по преимуществу интимныя стороны жизни: она—хранительница домашнего очага и родовыхъ традицій; ея вѣчное, можетъ быть, единственно разумное, назначеніе—культъ семьи, гдѣ подъ ея прямымъ, непосредственнымъ и постояннымъ вліяніемъ воспитываются и образуются у человѣка тѣ черты, безъ которыхъ немислима національность. Если справедливо положеніе, что функція создаетъ органъ, то легко объясняется то обстоятельство, что въ характерѣ женщины не наблюдается большого разнообразія индивидуальныхъ чертъ: прошлое всякой женщины вообще, а русской въ особенности, предоставляя ей весьма ограниченную сферу дѣятельности, задерживало процессъ дифференціаціи женскаго типа — съ одной стороны, а съ другой — оно способствовало болѣе рельефному, яркому и устойчивому образованію тѣхъ чертъ, которыя въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій развивались въ однообразныхъ условіяхъ семьи и домашнего очага. Отсюда слѣдуетъ, что созданіе женскихъ типовъ, вообще говоря болѣе трудное, чѣмъ мужскихъ, требуетъ глубокаго и близкаго знакомства не только съ жизнью общественной, но и домашней, семейной. Всякая фальшь, искусственность въ женскихъ типахъ сразу даетъ себя знать и является рѣжущимъ ухо диссонансомъ. А кто же рѣшится утверждать, что женскіе типы Тургенева отличаются искусственностью и проникнуты фальшью?

Какъ бы ни былъ гениаленъ поэтъ, силы его, однако, ограничены предѣлами возможнаго. Поэтому странно было бы требовать отъ писателя изображенія такой жизни, которая ему мало извѣстна или даже совсѣмъ неизвѣстна; подобнаго рода изображенія всегда носятъ отпечатокъ искусственности, отличаются сухостью, холодностью и обре-

чены на забвеніе, хотя бы авторы этихъ произведеній и обнаружили выдающійся умъ, богатство воображенія и солидныя творческія способности истиннаго художественнаго дарованія. Только изображеніе того, что пережито, пережито, пережито авторомъ, придаетъ вѣчную свѣжесть и бессмертіе твореніямъ поэта. Тургеневъ родился, выросъ и воспитывался въ средѣ помѣщичьей; это была для него родная среда, гдѣ онъ развивался духовно; лучшіе элементы этой среды органически вошли въ составъ его характера и дали основной тонъ его нравственной личности и міровоззрѣнію. По своему происхожденію и вслѣдствіе особенностей своего характера, въ которомъ такъ ярко было выражено эстетическое начало, Тургеневъ стоялъ далеко отъ жизни крѣпостнаго крестьянства, которая ему хорошо была извѣстна только со стороны притѣсненія помѣщиками крестьянъ. Тутъ онъ воспринялъ немало тяжелыхъ впечатлѣній, съ такой силой изображенныхъ въ „Запискахъ Охотника“. Но безъ сомнѣнія, этихъ впечатлѣній было недостаточно, чтобы создать типъ крѣпостной крестьянки, — мы такого типа и не имѣемъ. Да и мудрено было бы создать подобный типъ: крѣпостное право нивелировано условія жизни крестьянъ до такой степени, что личность крѣпостныхъ, въ особенности крѣпостныхъ женщинъ, совершенно была лишена возможности правильнаго развитія: процессъ дифференціаціи индивидуальныхъ чертъ задерживался, личность исчезала въ массѣ. Такой матеріалъ мало пригоденъ для поэтическаго творчества и созданія литературныхъ типовъ. Но отсюда нельзя вывести заключенія, что Тургеневъ, какъ писатель, мало интересовался или даже совершенно не интересовался русской женщиной изъ народа. Напротивъ, онъ интересовался жизнью крѣпостныхъ и наблюдалъ ее; результаты этихъ наблюденій мы видимъ въ его мелкихъ разсказахъ и особенно въ „Запискахъ Охотника“, гдѣ встрѣчаемъ рядъ интересныхъ живыхъ лицъ. Плѣнительной прелестью выдѣляются среди нихъ женскія лица, носящія общій отпечатокъ грусти, безропотности, покорности своей тяжелой судьбѣ. И эти скорбные поэтическіе образы русской женщины изъ народа никогда не потеряютъ своей неувядающей свѣжести и красоты, потому что они не „выдуманы“, не „сочинены“ поэтомъ, а „выхвачены“ изъ жизни народа, страданія котораго находили живой откликъ въ чуткой и любящей душѣ поэта. Наиболѣе трогательнымъ является образъ Лукерьи въ небольшомъ разсказѣ „Живыя мощи“. Разсказу предшествуетъ эпитафій изъ прекраснаго, всѣмъ хорошо извѣстнаго, стихотворенія Тютчева.

... „Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!“—

Лукерья—молодая дворовая дѣвушка, „красавица, высокая, полная, бѣлая, румяная, хохотунья, плясунья, пѣвунья и умница“; это типичная русская красавица — крестьянка. Какъ-то ночью, остушившись, она упала съ крыльца и расшиблась. Послѣ этого у нея появилась мучительная болѣзнь—родъ паралича, лишившая Лукерью возможности владѣть руками и ногами. Послѣ тщетныхъ попытокъ лѣченія болѣзни всѣ покидаютъ Лукерью. Забытая и оставленная всѣми, Лукерья лежитъ въ старомъ плетеномъ сарайчикѣ — амшанникѣ, гдѣ ее встрѣчаетъ авторъ. Весь интересъ этого небольшого произведенія Тургенева сосредоточивается на разказѣ Лукерьи о своемъ, поистинѣ, безвыходномъ положеніи, съ которымъ однако вполне примирилась героиня Тургеневскаго разказа. Но это примиреніе не есть слѣдствіе убожества и ограниченности психической организациі неразвитой крестьянской дѣвушки; наоборотъ, оно объясняется высшей духовной гармоніей, до которой путемъ семилѣтнихъ страданій и весьма сложной интенсивной работы сознанія доходитъ Лукерья.—Молодая, расцвѣтающая жизнь, полная надеждъ на личное счастье и въ себѣ самой заключающая право на это счастье и оправданіе его, благодаря роковой случайности, осуждена на страданія и безвременную смерть. Однако Лукерья стоически переноситъ свое тяжкое и совершенно безнадежное положеніе: ни слова жалобы или ропота, — и это насъ не удивляетъ, такъ какъ мы помнимъ, что образъ Лукерьи взятъ изъ массы многострадальнаго русскаго народа, характеризуемаго не только, какъ „край родной долготерпѣнья“. „Долготерпѣніе“—исторически развивавшаяся черта русскаго крестьянина. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ тяжелую школу терпѣнія, которую проходилъ русскій народъ въ теченіе многихъ вѣковъ, начиная со времени своего выступленія на историческое поприще вплоть до великаго дня 19 февраля: борьбу съ внѣшними врагами, бѣдствія, причиняемыя климатомъ, однообразие и унылость ландшафта, вовсе не располагающаго къ жизнерадостности, опустошенія, производимыя голодомъ, гнетъ крѣпостнаго права, припомнимъ все это, и мы поймемъ, почему не жалуются и не ропщутъ Лукерья. Ропотъ и жалоба возможны, вѣдь, только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть недовольство настоящимъ во имя лучшаго будущаго, или когда свѣтлое прошлое живо даетъ себя чувствовать и мѣшаетъ

тѣловѣку примириться съ настоящимъ; а когда этого лучшаго прошлаго и болѣе заманчиваго будущаго нѣтъ,—тогда, само собой разумѣется, нѣтъ и психологическихъ мотивовъ для жалобы, ропота и протеста. Вотъ почему такъ мало жалуются многочисленныя героини и герои изъ „Записокъ Охотника“ — эти представители сѣрой массы крестьянства—на жестокости приказчиковъ и дикія выходки помѣщиковъ, въ родѣ г. Пѣночкина. Но что же это такое? Неужели же тутъ одна слѣпая пассивная покорность, обусловленная ослабленіемъ воспріимчивости, оупѣніемъ, разложеніемъ личности, превращеніемъ ея въ автоматъ, въ безчувственный объектъ тяжелыхъ болѣзненныхъ внѣшнихъ воздѣйствій и, какъ окончательный результатъ, одичаніе и вырожденіе русскаго народа? При всемъ своемъ пессимизмѣ Тургеневъ, какъ правдивый и свободный художникъ, не сталъ на эту точку зрѣнія и остался вѣренъ дѣйствительности, а не отвлеченной теоріи. Его Лукерья—живой чейовѣкъ: она страдаетъ, радуется, молится, поетъ пѣсни, съ любовью относится къ людямъ; она тонко понимаетъ и глубоко чувствуетъ природу, — вообще, ея внутренній міръ отличается богатствомъ и разнообразіемъ своихъ проявленій; семилѣтнія страданія не вызвали въ ней оупѣнія, не ослабили ея воспріимчивости и не только не способствовали разложенію ея личности, но даже, наоборотъ, были причиной нравственнаго просвѣтлѣнія и особой духовной красоты этого образа. Очевидно, нашъ писатель признаетъ у Лукерьи наличность великой духовной силы, которая дѣлаетъ легкимъ тяжелый крестъ ея. Эта сила—религіозное чувство героини „Живыхъ мощей“—типичная черта русскаго народа.

Когда авторъ завелъ разговоръ о Лукерьѣ съ хуторскимъ десятскимъ, то услышалъ отъ него характерный отзывъ, что отъ нея—де никакого не видать безпокойства, ни ропота отъ нея не слышать, ни жалобъ: „Сама ничего не требуетъ, а напротивъ—за все благодарна; тихоня, какъ есть тихоня, такъ сказать надо. Богомъ убитая“—такъ заключилъ десятскій: „стало бытъ, за грѣхи; но мы въ это не входимъ. А чтобы, напримѣръ, осуждать ее—нѣтъ, мы не осуждаемъ. Пушай ее!“ Такова оцѣнка характера и положенія Лукерьи, сдѣланная представителемъ народа.—Понятіе „грѣховности“, наказуемости за грѣхъ составляетъ основаніе нравственнаго чувства русскаго народа, который всегда приписывалъ страданію искупительную силу. Всякое горе или несчастіе постигаетъ чѣловѣка по волѣ Божьей или въ видѣ наказанія за совершенный уже грѣхъ,

или, какъ слѣдствіе Божественнаго Промысла, въ предупреденіе грѣха, который можетъ быть совершёнъ. Этотъ взглядъ и даетъ народу ту несокрушимую силу, которая позволяетъ безропотно переносить всѣ бѣдствія и невзгоды. Лукерья говоритъ: „Нѣтъ, что Бога гнѣвить? Многимъ хуже моего бываетъ. Хоть бы то взять: иной здоровый человѣкъ очень легко согрѣшить можетъ; а отъ меня самъ грѣхъ отошелъ. Намеднись о. Алексій, священникъ, сталъ меня причащать, да и говоритъ: тебя, молъ, исповѣдывать ничего: развѣ ты въ твоемъ состояніи согрѣшить можешь? Но я ему отвѣтила: а мысленный грѣхъ, батюшка?—Ну, говоритъ, а самъ смѣется — это грѣхъ не великій“. Изъ этихъ словъ видно, что религіозное чувство Лукерьи не носитъ характера скорбнаго покаяннаго настроенія. Богъ представляется ей не грознымъ карающимъ судьей, а чѣмъ-то близкимъ, роднымъ. Это хорошо иллюстрируется рассказомъ Лукерьи о тѣхъ снахъ, которые она видитъ. Однажды, по ея словамъ, приснился ей Христосъ, который протягиваетъ ей руки и говоритъ: „Не бойся, невѣста моя разубранная, ступай за Мною; ты у Меня въ царствѣ небесномъ хороводы водить будешь и пѣсни играть райскія“ — Здѣсь сквозь простое религіозное чувство глубоко вѣрующей народной души бьетъ живой родникъ чистой младенческой поэзіи.

Если сравнить религіозное чувство Лукерьи съ религіозностью Агаѣи и Лизы въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ или Акима изъ повѣсти „Постоялый дворъ“, то очевидной станетъ разница. У послѣднихъ религіозное чувство принимаетъ характеръ исключительности, аскетизма и самонаказуемости, чего мы не находимъ у героини „Живыхъ мощей“, но въ томъ и другомъ случаѣ мы видимъ типическія черты народнаго міровоззрѣнія. Лиза находитъ осуществленіе своего религіознаго идеала въ монастырѣ, Агаѣя въ раскольничьемъ скиту; Акимъ — натура дѣятельно-практическая—этотъ двойникъ Некрасовскаго Власа, уходитъ собирать на храмъ. Религіозное чувство у этихъ лицъ рѣшительно преобладаетъ надъ всѣми другими сторонами человѣческой личности и носитъ характеръ скорбный, покаянный и аскетически—подвижнической. Тутъ

„Сила вся души великая
Въ дѣло Божье ушла“,

и нѣтъ мѣста сознанію другихъ связей и отношеній; міръ внѣшній, природа для нихъ исчезаетъ, какъ что-то лишнее,

даже враждебное. Здѣсь отразилась та сторона христіанства, которую Мережковскій называетъ исключительно семитской: „добродѣтель, какъ умерщвленіе плоти, какъ отреченіе отъ міра, какъ уединеніе въ страшной духовной пустынѣ, на вершинѣ тѣхъ столбовъ, на которыхъ коченѣли столпники“ („Л. Толстой и Достоевскій“).

Не такова Лукерья изъ „Живыхъ мощей“: отъ нея „самъ грѣхъ отошелъ“, какъ она выражается; ей не въ чемъ каяться, нечего бояться: она дорогою цѣною купила право любить Бога, и это основной преобладающій мотивъ ея религіознаго чувства. „Изушающій семитскій ураганъ прошелъ, однако“, говоритъ Мережковскій, „только по вершинамъ арійскаго лѣса: въ чащѣ его, ближе къ землѣ, къ народу, ближе къ подземнымъ родникамъ и корнямъ, все еще оставалось довольно древней западной арійской влаги и свѣжести, чгобы противодѣйствовать опустошительному зною восточнаго самума; тамъ, въ баснословной тѣни, въ сказочномъ сумракѣ все еще плодилась, копошилась и кишѣла многоязычная, многобожная тварь, „звѣроподобная, бѣсовская нечисть“—съ точки зрѣнія семитской, а съ арійской — все еще невинная, хотя и безсловесная „Божья тварь“, (тамъ же). Въ характерѣ Лукерьи, очищенномъ и просвѣтленномъ страданіями, мы ясно видимъ эти черты чисто народнаго арійскаго взгляда на природу. Для нея нѣтъ „звѣроподобной, бѣсовской нечисти“, а есть только невинная, безсловесная „Божья тварь“: Любовь къ Богу у нея не переходитъ въ страшное духовное одиночество; она выражается не только въ порывѣ къ Творцу, но и къ творенію, къ „Божьей твари“. „Я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все, Кротъ подъ землю роется—я и то слышу. И запахъ я всякій чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха въ полѣ зацвѣтетъ или липа въ саду—мнѣ и сказывать не надо: я первая сейчасъ слышу. Лишь бы вѣтеркомъ оттуда потянуло... Пчелы на пасѣкѣ жужжать да гудятъ; голубь на крышу сядетъ и заворкуетъ; курочка—наседочка зайдетъ съ цыплятами крошекъ поклевать; а то воробей залетитъ или бабочка,—мнѣ очень пріятно. Въ позапрошломъ году такъ даже ласточки вонь тамъ, въ углу, гнѣздо себѣ свили и дѣтей вывели. Ужъ какъ же оно было занято! Одна влетитъ къ гнѣздышку—припадетъ, дѣтокъ накормитъ—и вонь. Глядишь—ужъ на смѣну ей другая. Иногда не влетитъ, — только мимо раскрытой двери пронесется—а дѣтки тотчасъ — ну пищатъ, да клювы разѣвать... Я ихъ на слѣдующій годъ поджидала, да ихъ говорятъ, одинъ здѣшній охотникъ изъ ружья за-

стрѣлили. И на что покорыстился? Вся то она, ласточка, не больше жука... Какіе вы, господа охотники, злые!

— Я ласточекъ не стрѣляю—поспѣшилъ я замѣтить, “Конечно, нашъ гуманный писатель, умѣвшій такъ глубоко понимать и чувствовать природу, не могъ убить невинную ласточку, вѣстницу весны, доставлявшую своимъ щебетаніемъ немало отрады бѣдной Лукерья. Убилъ ее, вѣроятно, Ермолай, этотъ бездомный бродяга, въ которомъ поэтъ воплотилъ хищныя и чувственныя черты народа. Но Лукерья отъ этого не легче: веселая щебетунья ласточка будила въ ней воспоминанія молодости, счастливаго прошлаго и, доставляя пріятныя впечатлѣнія, позволяла забытья.

Всѣ вообще внѣшнія чувства героини „Живыхъ мощей“ отличаются замѣчательной изощренностью, и ея психическая жизнь представляетъ большое разнообразіе простыхъ и отчетливыхъ ощущеній, источникомъ которыхъ является окружающая природа. Лукерья стоитъ внѣ сферы человѣческихъ отношеній, для нея нѣтъ вопроса о борьбѣ за существованіе, она забыта людьми и какъ бы заживо погребена, тѣмъ сильнѣе ея почти органическая связь съ природою, тѣмъ глубже, интенсивнѣе ея любовное отношеніе къ природѣ, съ которой она, дѣйствительно, живетъ одною жизнью. „А то разъ—начала опять Лукерья: вотъ смѣхуто было! Заяць забѣжалъ, право! Собаки, что-ли гнались за нимъ, — только онъ прямо въ дверь какъ прикатить! Сѣлъ близехонько — и долго-таки сидѣлъ; все носомъ водилъ и усами дергалъ — настоящій офицеръ. И на меня смотрѣлъ. Понялъ, значить, что я ему не страшна. Наконецъ, всталъ, прыгъ—прыгъ къ двери, на порогѣ оглянулся—да и былъ таковъ! Смѣшной такой!“ Читая эти слова, мы забываемъ про страданія Лукерьи: передъ нами какъ бы вполне здоровый человѣкъ, умѣющій подмѣчать даже комическія стороны жизни. Поразителенъ этотъ юморъ въ устахъ страдальцы, 7 лѣтъ пролежавшей въ амшанникѣ! Но это не все: Лукерья заявляетъ писателю, что ее не тяготитъ отсутствіе людей, что она мирится со своимъ положеніемъ и даже поетъ пѣсни, „старыя, хороводныя, подблюдныя, святочныя, всякія“, за исключеніемъ, впрочемъ, плясовыхъ, пѣтъ которыя, по мнѣнію Лукерьи, въ ея положеніи было бы дѣломъ неподходящимъ. И чтобы окончательно убѣдить сомнѣвающагося писателя, Лукерья начинаетъ пѣтъ извѣстную народную пѣсню: „Лу-

керья собрадась съ духомъ... Мысль, что это полумертвое существо готовится запѣть, возбудила во мнѣ невольный ужась. Но прежде, чѣмъ я могъ промолвить слово, — въ ушахъ моихъ задрожалъ протяжный, едва слышный, но чистый и вѣрный звукъ... за нимъ послѣдовалъ другой, третій. „Во лузяхъ“ пѣла Лукерья. Она пѣла, не измѣнивъ выраженія своего окаменѣлаго лица, уставивъ даже глаза. Но такъ трогательно звенѣлъ этотъ бѣдный, усиленный, какъ струйка дыма, колебавшійся голосокъ, такъ хотѣлось ей всю душу вылить... Ужъ не ужась чувствовалъ я: жалость несказанная стиснула мнѣ сердце.“ Природа, вѣчная красота жизни и поэзія человѣческихъ отношеній отразились въ этой пѣснѣ, которая извѣстна каждому русскому крестьянину, и эта пѣсня поется умирающей русской женщиной.

Какъ же велика была у нея жажда жизни и счастья и какъ невыразима ея тоска по невозвратно минувшей молодости и навсегда исчезнувшимъ надеждамъ! Прекрасно это сравненіе прерывающагося голоса Лукерьи со струйкой дыма, колеблющагося надъ слабымъ пламенемъ угасающей жизни. Невольно вспоминается аналогичное сравненіе изъ „Рудина“, когда герой этого романа говоритъ Лежневу: „уже все кончено, и масла въ лампадѣ нѣтъ, и сама лампада разбита, и вотъ—вотъ, сейчасъ докурится фитиль. Смерть, братъ, должна примирить наконецъ“—Лукерья тоже ждетъ смерти, но примиреніе она находитъ не въ смерти, а въ красотѣ природы, въ любви къ Богу и своимъ темнымъ несчастнымъ собратьямъ. Послѣднее особенно трогательно. Прощаясь съ авторомъ, Лукерья говоритъ: „Ничего мнѣ не нужно; всѣмъ довольна, слава Богу... Дай Богъ всѣмъ здоровья! А вотъ вамъ бы, баринъ, матушку вашу уговорить—крестьяне здѣшніе бѣдные — хоть бы малость оброку съ нихъ она сбавила! Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они бы за васъ Богу помолись... А мнѣ ничего не нужно, — всѣмъ довольна“ — Черезъ нѣсколько дней писатель узналъ, что Лукерья скончалась.

Такова душа этой простой, полуграмотной крѣпостной крестьянки! Въ страданіи умѣющая забыть себя, тонко чувствующая и понимающая природу, глубоко религіозная, но безъ покаянно — аскетическаго „отъединенія“, хрустально чистая, прощающая и любящая — такова душа русской женщины!

Говорятъ, что, когда Жоржъ-Зондъ познакомилась съ рассказомъ Тургенева „Живыя мощи“, то признала это

весьма незначительное по объему произведение нашего писателя недосыгаемымъ образцомъ художественнаго творчества и примѣромъ для другихъ писателей. Русская критика тоже отнеслась весьма сочувственно къ разсказу Тургенева. О. Миллеръ признаетъ въ образѣ Лукерьи типъ русской женщины „мировой красоты“, которому равно не найти у предшественниковъ Тургенева, даже у Пушкина.

II.

Объективностью творчества и стремленіемъ поэта угадать и воплотить тѣ черты народа, которыя составляютъ неотъемлемую неотдѣлимую сущность его души, объясняется тотъ фактъ, что на характерѣ Лукерьи совершенно незамѣтно вліянія крѣпостнаго права, хотя она и дворовая дѣвушка: да если оно и могло сказаться, то семилѣтнія страданія очистили этотъ образъ, освободивъ его отъ тѣхъ наростовъ и слоевъ, которые органически не срослись съ душой Лукерьи, явившись какъ слѣдствіе этого, во всякомъ случаѣ, непостояннаго фактора, вліявшаго на развитіе русскаго народа: основныя черты народнаго характера сложились задолго до появленія крѣпостнаго права. Въ этомъ отношеніи Лукерья представляетъ собою исключеніе, такъ какъ всѣ другіе женскіе образы русской женщины изъ народа въ сочиненіяхъ Тургенева носятъ на себѣ яркій отпечатокъ крѣпостнаго права и, очевидно, разсматриваются поэтомъ, какъ его жертвы. Передъ нами прежде всего Арина—мельничиха въ разсказѣ „Ермолай и мельничиха“. Она напоминаетъ намъ нѣкоторыми чертами своего характера Лукерью: такъ же спокойно и безропотно она переноситъ свою тяжелую жизнь, какъ и героиня „Живыхъ мощей“, такъ же легко она мирится съ ужасными условіями своей жизни, какъ и Лукерья, — но въ нравственномъ отношеніи разница между ними весьма существенная: Лукерья стоитъ неизмѣримо выше Арины по красотѣ своего духовнаго склада, силѣ сознанія и нравственной чистотѣ. Однако тѣневья стороны въ характерѣ Арины являются, такъ сказать, чертами вторичнаго образованія и всецѣло относятся поэтомъ за счетъ крѣпостнаго права.

Представляя собою натуру въ такой же степени одаренную, какъ и Лукерья, Арина попадаетъ въ условія, совершенно исказившія ея развитіе. Оторванная отъ родной семьи, Арина дѣлается горничной своей сентиментальной,

весьма недалекой барыни, жены грубаго и неразвитаго помѣщика Звѣрькова. Ловкая и расторопная горничная пользуется полнѣе расположеніемъ своей барыни, которая увѣрена, что въ этомъ именно ея расположеніи Арина должна видѣть счастье и цѣль своей жизни. Сентиментальная барыня, впрочемъ, жестоко разочаровывается въ своемъ наивномъ эгоизмѣ: Арина полюбила и проситъ разрѣшенія выйти замужъ. Барыня вмѣстѣ съ бариномъ возмущены до глубины души: какая, дескать, неблагогодарность. „Да ты знаешь ли, дура, что барыня замужнихъ горничныхъ не держитъ?“—воскликаетъ съ негодованіемъ г. Звѣрьковъ, твердо убѣжденный въ томъ, что крѣпостные должны устраивать свою личную жизнь въ зависимости отъ вкусовъ своихъ господъ. Конечно, Аринѣ было отказано въ ея просьбѣ. А дальше исторія извѣстная.. Арина изгоняется въ деревню, Петрушка лакей наказывается менѣе строго, такъ какъ онъ, по мнѣнію г. Звѣрькова, не виноватъ. Но это не все: далѣе идутъ факты, бросающіе черную тѣнь на чистый до тѣхъ поръ и кроткій образъ Арины. Ее покупаетъ у г. Звѣрькова какой-то мѣщанинъ мельникъ—„толстый брюхачъ“ по опредѣленію Ермолая: оказывается, что Арина „грамотѣ разумѣетъ“ (замѣчательно, что и Лукерья грамотна), а „въ ихъ дѣлѣ оно... того... хорошо бываетъ“, говоритъ Ермолай. Семейная жизнь Арины сложилась тяжело: ей приходится жить съ нелюбимымъ мужемъ, она больна, кашляетъ, но ни на что не жалуется. Да она и не смѣетъ, не считаетъ себя въ правѣ жаловаться: повидимому, Арина любитъ Ермолая и, кажется, не безупречна со стороны вѣрности своему нелюбимому мужу. Тѣмъ не менѣе, этотъ скорбный образъ внушаетъ глубокое сочувствіе читателю, который далекъ отъ осужденія и никогда не рѣшится бросить упрекъ этой бѣдной разбитой жизни. Живымъ укоромъ отрицательнымъ сторонамъ эпохи является она, и печальною тѣнью проходитъ передъ глазами читателя, оставляя въ душѣ его горькій осадокъ „За что?“ можно было бы озаглавить этотъ рассказъ. За что въ самомъ дѣлѣ разбита эта молодая жизнь, такъ поэтически развертывавшаяся, стремившаяся къ любви и счастью? Отвѣтъ мы находимъ въ словахъ г. Звѣрькова: „что ни говорите... сердца, чувства, въ этихъ людяхъ не ищите! Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ“. Отсюда ясно, что въ эпоху крѣпостнаго права любовь и стремленіе къ личному счастью у русской дѣвушки изъ народа часто разсматривались, какъ проявленія души, нравственно непозволительныя.

При такомъ взглядѣ человѣкъ трактовался, какъ вещь, какъ *instrumentum vocale* (говорящее орудіе). Въ этомъ и заключался весь ужасъ крѣпостного права, и кто знаетъ,—здѣсь, можетъ быть, и скрытъ источникъ скорбнаго пессимизма Тургенева.

Но не всѣ же помѣщики были Звѣрьковы по природѣ и взглядамъ. Отъ вниманія и наблюдательности Тургенева не ускользали и явленія другого порядка въ жизни помѣщиковъ крѣпостной эпохи, наблюдаемая иногда писателемъ въ тѣхъ слояхъ помѣщичьей среды, которые лежали ближе къ народной сердцевинѣ. Вотъ, напримѣръ, П. П. Каратаевъ—въ разсказѣ того же названія—одна изъ тѣхъ безшабашныхъ широкихъ русскихъ натуръ, которыя нерѣдко встрѣчались въ эпоху крѣпостного права, — встрѣчаются иногда и теперь въ отдаленныхъ углахъ Россіи. Ему чужды хищныя черты помѣщичьяго типа, выведенныя въ разсказѣ „Ермолай и Мельничиха“: это не хищникъ крѣпостникъ, а скорѣй самъ жертва крѣпостного права, разбившаго его жизнь и жизнь любимой имъ дѣвушки Матрены Куликъ, принадлежавшей богатой и злой помѣщицѣ, старой вдовѣ. Любовь эта носитъ характеръ сильнаго обоюднаго чувства и совершенно отличается отъ любви И. П. Лаврецкаго, напримѣръ, полюбившаго горничную своей матери по принципу, для того только, чтобы оправдать на дѣлѣ теоріи французскихъ писателей просвѣтительной литературы о равенствѣ и братствѣ людей. Каратаевъ никогда не забываетъ, что Матрена—холопка, а онъ—помѣщикъ и баринъ, однако его чувство къ Матренѣ неизмѣримо глубже и человѣчнѣе, чѣмъ чувство И. П. Лаврецкаго. Каратаевъ — помѣщикъ—степнякъ, деревенскій житель, сохранилъ кровную связь съ народомъ,—и безъ просвѣтительной литературы онъ не забываетъ въ крѣпостномъ видѣть человѣка. Лаврецкій, правда, женится на Маланѣ, но дѣлаетъ это по побужденіямъ мелкаго самолюбія раздраженнаго человѣка, который желаетъ отомстить отцу, поднявшему на него руку. Очень скоро, однако, онъ забываетъ свою жену, уѣзжаетъ за границу и никогда не вспоминаетъ о своихъ обязанностяхъ и долгѣ отца и мужа. Каратаевъ не женится на любимой дѣвушкѣ, но онъ горько рыдаетъ, кончивъ разсказъ о своихъ отношеніяхъ къ Матренѣ. Разлука съ Матреной совершенно разбиваетъ его жизнь: онъ разстается со своею деревней и навсегда уѣзжаетъ въ Москву, гдѣ въ острыхъ ощущеніяхъ разгульной жизни, въ чаду и угарѣ почти непрерывнаго кутежа старается забыть прошлое. Черезъ годъ поэтъ

встрѣчаетъ въ одной Московской кофейной Каратаева, но изъ ихъ разговора читатель ничего не узнаетъ о судьбѣ Матрены. Да и какая можетъ быть ея судьба? Вѣроятно, выдали замужъ за какого—нибудь Петра—лакея или буфетчика Василя, — и все тутъ. А между тѣмъ какая это была богатая и одаренная натура!

У Матрены болѣе ярко выражены личные черты, чѣмъ у героини „Живыхъ мощей“ и у Арины—мельничихи: душа ея сложнѣе, характеръ дѣятельнѣе, энергичнѣе, настойчивѣе. Любитъ она беззавѣтно, однако не вся ея душа уходитъ въ это чувство: въ душѣ этой простой русской дѣвушки остаются уголки, которыхъ не разглядѣть и не понять недалекому и ограниченному Каратаеву. „И ужъ какая чудная эта Матрена была!“ восклицаетъ Каратаевъ: „Бывало, задумается и сидитъ по часамъ; на полъ глядитъ, бровью не шевельнетъ; и я такъ сижу, да нее смотрю, — да насмотрѣться не могу, словно никогда не видалъ... Она улыбнется, а у меня сердце такъ и дрогнетъ, словно кто пощекотитъ. А то, вдругъ примется смѣяться, шутить, плясать; обниметъ меня такъ жарко, такъ крѣпко, что голова кругомъ пойдетъ... Съ утра до вечера, бывало, только и думаю, чѣмъ бы мнѣ ее порадовать?“ Неясно ли изъ этихъ словъ, что Каратаевъ, какъ „сознающая“ личность, стоитъ неизмѣримо ниже Матрены: онъ весь отдался своему чувству и все забываетъ въ присутствіи любимой дѣвушки. Не такова Матрена: ея не удовлетворяетъ, очевидно, жизнь, которую она ведетъ; она задумывается, груститъ, тревожится. Можно было бы ожидать, что ложное положеніе Матрены, какъ сожительницы Каратаева, обуславливаетъ ея душевную тревогу и грусть, но на это нѣтъ никакихъ указаній въ рассказѣ Тургенева. Наоборотъ, въ рассказѣ есть прямые указанія на то, что ея грусть чисто альтруистическаго характера: Матрена не можетъ забыть свой родной семьи, она беспокоится за судьбу брата, котораго, по мнѣнію Матрены, сошлютъ въ видѣ наказанія за ея бѣгство; беспокоится она также и за любимаго человѣка, который можетъ отвѣчать передъ Кукуевской барыней. Матрена безъ сомнѣнія сознаетъ, что ея личное счастье построено на несчастіи другихъ, это сознаніе и является причиной ея душевной борьбы. „Неизвѣстно, какимъ образомъ отецъ ея Куликъ пронюхалъ дѣло; пришелъ старикъ поглядѣть на насъ, да какъ заплачетъ“ — говоритъ Каратаевъ. Развѣ могла Матрена, эта чуткая и вдумчивая дѣвушка, не почувствовать силы этихъ слезъ, не увидѣть въ нихъ осужденія своему поступку, своей

жизни? А между тѣмъ эта богато одаренная натура требовала любви, счастья, поэзіи. — „Счастье, вѣдь, есть поэзія женщины“ по французской поговоркѣ! „Да и что за дѣвка была!“, рассказываетъ Каратаевъ: „Откуда что бралось? И пѣть — то она умѣла, и плясать, и на гитарѣ играть... Сосѣдямъ я ее не показывалъ: чего добраго, разболтаютъ! А былъ у меня пріятель, другъ закадычный, Горностаевъ Пантелей... Тотъ въ ней, просто, души не чаялъ; какъ у барыни, руки у ней цѣловалъ, право. И скажу вамъ, Горностаевъ не мнѣ чета: человѣкъ онъ образованный, всего Пушкина прочелъ; станеть, бывало, съ Матреной да со мной разговаривать, такъ мы и уши развѣсимъ. Писать ее выучилъ, такой чудакъ!“. Неясно ли отсюда, что духовныя силы этой дѣвушки изъ народа такъ велики, что она какъ-то незамѣтно воспринимаетъ и усваиваетъ тотъ культурный налетъ, который раздѣляетъ крестьянскую массу и ближайшій къ ней слой помѣщичьей среды. Но недаромъ же Каратаевъ говоритъ: „И точно, характеру у ней было много... душа была, золотая душа!“ — Этотъ-то характеръ Матрены, народный характеръ, стойкій въ испытаніи и несокрушимый въ борьбѣ, — эта „золотая народная душа“, не знающая компромисса — и менѣе всего въ области нравственнаго чувства, — не позволяютъ Матренѣ отдаться своему счастью, хотя ея богато одаренная натура неодолимо влечетъ къ нему. Отсюда отсутствіе гармоніи и равновѣсія въ душевныхъ проявленіяхъ, отсутствіе основного тона и частая смѣна настроеній, — рѣзкіе переходы отъ бурной жизнерадостности къ гнетущей тоскѣ и подавленности. Послѣ этого совершенно понятнымъ является поступокъ Матрены, разрушившій счастье Каратаева. Матрена весьма любила кататься, и сама при этомъ правила лошадьми. Однажды на обычной прогулкѣ ей пришла фантазія погнать лошадей въ деревню Кукуевку и прокатиться мимо господскаго дома. Барыня ее замѣтила, узнала и рѣшила во что бы то ни стало вернуть къ себѣ свою крѣпостную дѣвушку. Каратаевъ жертвуетъ всѣмъ, чтобы спасти Матрену: онъ лишается своего любимаго Лампурдоса, дѣлаетъ долги, разстраиваетъ свое здоровье въ непосильной и тяжелой борьбѣ съ богатой помѣщицей. А между тѣмъ, пока Каратаевъ боролся съ Кукуевской барыней и изнемогалъ въ этой борьбѣ, у Матрены созрѣло простое рѣшеніе вопроса; она является однажды къ Каратаеву, прямо и спокойно заявляетъ ему, что рѣшила выдать себя своей прежней помѣщицѣ. Тщетны всѣ попытки Каратаева удержать Матрену отъ этого шага; она не мѣ-

няетъ своего намѣренія и безповоротно рѣшаетъ свою судьбу, а какова эта судьба угадать не трудно. „Выдать себя“, „повиниться“, всенародно принести покаянiе и сознаться въ сдѣланномъ грѣхѣ, преступленiи — развѣ это не типичная наша национальная черта, не чуждая и верхнимъ культурнымъ слоямъ народа (вспомнимъ хотя бы Раскольникова въ „Преступленiи и Наказанiи“)? Кто же рѣшится утверждать, что западникъ Тургеневъ не понималъ психологiи русскаго челоуѣка?

Ш.

Таковы эти три главнѣйшiя представительницы русской женщины изъ народа въ творчествѣ Тургенева. Съ безконечнымъ сочувствiемъ относится нашъ поэтъ къ нхъ тяжелой долѣ. Генiальный художникъ слова ясно видѣлъ богатая духовныя силы русскаго народа, нашедшiя воплощенiе въ этихъ скромныхъ простыхъ русскихъ женщинахъ, носящихъ вовсе непоэтическiя имена Лукерьи, Матрены и Арины. Сдѣлавъ ихъ грамотными, нашъ гуманный писатель какъ бы символически указалъ на право русской женщины изъ народа требовать развитiя этихъ силъ, ихъ культуры и разумнаго направленiя. Поставивъ ихъ полную зависимость отъ барскаго двора и помѣщика — всѣ онѣ крѣпостныя — поэтъ подчеркиваетъ, что не только ничего не сдѣлано для ихъ духовнаго развитiя, что какъ разъ наоборотъ: влiянiе двора служитъ разлагающимъ началомъ для чистой дѣвственной души народа, обусловливая ея нравственную гибель. Хотя просвѣтленный образъ Лукерьи и не подтверждаетъ этой мысли (онъ, впрочемъ, и не опровергаетъ ее) зато на примѣрахъ Арины — мельничихи и Матрены въ рассказѣ „П. П. Каратаевъ“ эта мысль проведена совершенно ясно и опредѣленно. А сколько мелкихъ и эпизодическихъ лицъ въ творчествѣ Тургенева, подтверждающихъ этотъ взглядъ писателя! Припомнимъ трогательный образъ Акулины въ рассказѣ „Свиданiе“, аскетически — строгiй обликъ Агаѣи, няни Лизы, въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ и, наконецъ, тихо и безропотно угасающую въ чуждой средѣ кроткую мать Ѳ. Лаврецкаго — все это скорбные образы русской женщины изъ народа, живой протестъ противъ крѣпостнаго права, безжалостно разбившаго ихъ жизнь.

Послѣднiя два лица интересны и въ томъ отношенiи, что Тургеневъ придалъ имъ особую роль, сдѣлавъ смѣлюю

попытку органически связать, породнить, такъ сказать, нашу интеллигенцію съ народомъ.—Уже давно русская критическая мысль отмѣтила тотъ печальный фактъ, что послѣ Петровской реформы образовалась и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличивалась пропасть между нашей интеллигенціей и народомъ. Отсюда нѣкоторыми представителями той же интеллигенціи дѣлался странный выводъ о вредѣ и нецѣлесообразности самой реформы. Дѣло, конечно, не въ этомъ: реформа была хороша, полезна и необходима: образовавшаяся пропасть объясняется не сущностью реформы, а тѣмъ, что она не коснулась народа, и была усвоена весьма незначительнымъ верхнимъ слоемъ — главнымъ образомъ—служилымъ дворянствомъ, и то далеко не всѣмъ. Сначала была усвоена только внѣшняя сторона западной образованности, а потомъ стали проникать въ нашъ верхній культурный слой и идеи этой образованности. Появились у насъ и ложноклассицизмъ, и романтизмъ, масонство, вольтеріанство, гегеліанство, западничество, славянофильство и много другихъ утонченныхъ плодовъ этой образованности; появились даже наивные мечтатели, которые въ началѣ 19-го вѣка, за 40 лѣтъ до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права, вздумали путемъ государственнаго переворота превратить Россію въ республику,—однимъ словомъ, мы заходили слишкомъ далеко и совершенно забывали народъ, который въ эпохи всѣхъ этихъ увлеченій воспитывался попрежнему, какъ и до Петра Великаго, на идеалахъ Домостроя, житіяхъ святыхъ, апокрифахъ и и эсхатологическихъ сказаніяхъ. Правда, литература—художественная и публицистическая, уже въ царствованіе Императрицы Екатеринѣ II протестуетъ, хотя и робко, противъ безобразій, происходившихъ на почвѣ крѣпостного права. Съ теченіемъ времени протестъ растетъ, и Грибоѣдовъ мечетъ острия стрѣлы своей беспощадной сатиры въ „поврежденный классъ полу-европейцевъ“ и „Нестора негодяевъ знатныхъ“, прототипъ уже извѣстныхъ намъ г. г. Пѣночкина и Звѣрькова. Въ эпоху Тургенева мы уже наблюдаемъ „хождение въ народъ“, которое по незнакомству интеллигенціи съ народомъ принимало комическія формы, отмѣченныя нашимъ писателемъ въ „Нови“. Осмѣивая комическія стороны „опрошенія“, „хождения въ народъ“. Тургеневъ видѣлъ роль русской интеллигенціи по отношенію къ народу въ томъ, чтобы учить его. „Вы думаете, что мы хотимъ учить народъ; нѣтъ мы служить ему хотимъ“—говоритъ Маріанна въ „Нови“ „Какъ такъ служить?“—воскликаетъ съ недоумѣніемъ представительница этого на-

рода — Татьяна, жена рабочаго на фабрикѣ Соломина: „учите его; вотъ вамъ и служба. Я хоть съ себя примѣръ возьму, Я какъ за Егорыча вышла—ни читать, ни писать не умѣла; а теперъ вотъ знаю, спасибо Василию Ѳедотычу. Не самъ онъ училъ меня, — а заплатилъ одному старику. Тотъ и выучилъ“. Это разумное и справедливое требованіе народа, къ сожалѣнію, остается безъ отвѣта: „Маріанна помолчала“, говоритъ авторъ, — вѣроятно эти трезвыя слова, это сухо—практическое рѣшеніе вопроса не удовлетворяетъ Маріанны, увлекающейся, идеалистически—настроенной героини Тургеневскаго романа. А между тѣмъ въ словахъ Татьяны, повидимому, выражается весь смыслъ, все значеніе романа, его основная идея: „Поднимать слѣдуетъ новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающимъ плугомъ“ (эпиграфъ къ роману)“. Эта простая мысль и до сихъ поръ не потеряла своего животрепещущаго значенія, однако какъ плохо она усвоена!

Возставая противъ всякаго идолопоклонства, хотя бы идолъ былъ олицетворенъ въ лицѣ великаго русскаго народа, Тургеневъ однако глубоко вѣрилъ въ духовныя силы народа; въ этой вѣрѣ онъ находилъ примиреніе въ минуты мрачнаго пессимизма, „во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ родины“; она удерживала его отъ отчаянія „при видѣ всего, что совершается дома“. И не одно только вліяніе интеллигенціи на народъ представлялось ему благотворнымъ: онъ признавалъ силу и значеніе обратнаго вліянія. Кто не согласится съ тѣмъ, что лучшими чертами своего характера—силой и глубиной религіознаго чувства и красотой своего нравственнаго облика—Лиза Калитина, тотъ безусловно лучший, хрустально чистый образъ Тургеневскаго творчества, обязана своей нянѣ Агаѣ? Научившись у народа любить Бога и ближняго, Лиза старается научить этому Лаврецкаго. И ея усилія не остаются тщетными: Лаврецкій дѣлается вѣрующимъ человѣкомъ и нравственно перерождается. Отсюда ясно, что не такъ ужъ темны и жалки эти сѣрыя массы простаго народа. Можетъ быть, не только учить, но и поучиться кое-чему могла бы интеллигенція у народа. Эту мысль высказалъ, можетъ быть, съ излишней, впрочемъ, категоричностью и въ нѣсколько преувеличенномъ значеніи, Достоевскій, величайшій изъ нашихъ знатоковъ народа, какъ никто у насъ понявшій его душу. „Стоитъ только снять наружную, наносную кору“, говоритъ Достоевскій въ „Запискахъ изъ Мертваго дома“: „и посмотрѣть на самое зерно повнимательнѣе, поближе, безъ предразсудковъ—

и иной увидитъ въ народѣ такія вещи, о которыхъ и не предугадываль. Не многому могутъ научить народъ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу—напротивъ: сами они еще должны у него поучиться“. Можетъ быть, дѣйствительно, наша интеллигенція въ общеніи съ народомъ найдетъ своего Бога и нравственное оздоровленіе, и не суждено ли тутъ русской интеллигентной женщинѣ, которая всегда стояла ближе къ народу, чѣмъ всѣ эти Онѣгины, Рудины, Лаврецкіе, Неждановы и проч.—сыграть особую роль? Припомнимъ Татьяну Пушкина и рядъ Тургеневскихъ женскихъ типовъ — Лизу Калитину, Наталью Ласунскую, Елену Астахову, Маріанну въ „Нови“ и Татьяну въ „Дымѣ“:—можетъ быть, вся красота и чарующая прелесть этихъ типовъ, признанная русской и западно-европейской критикой, объясняются только тѣмъ, что въ характерѣ этихъ лицъ мы наблюдаемъ типическія черты чисто народнаго міровоззрѣнія облагороженныя нашей дворянской культурой. Во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ важный, и онъ заслуживаетъ глубочайшаго изученія.

Если на примѣрахъ Лизы Калитиной и Агаѣи мы можемъ наблюдать вліяніе народнаго міровоззрѣнія на интеллигенцію, то на примѣрахъ Ѳ. Лаврецкаго и его матери передъ нами вліяніе народа на интеллигенцію чисто почвеннаго характера. У кроткой запуганной Маланьи съ безчеловѣчной жестокостью отняли ея маленькаго Ѳедю, и она, конечно, не могла оказать рѣшительно никакого вліянія на воспитаніе своего сына. Но природа взяла свое и зло посмѣялась надъ попыткой уберечь Ѳедю отъ вліянія матери—холопки. На характерѣ Ѳ. Лаврецкаго неизгладимо отпечатаны черты его матери: неодолимое влеченіе къ землѣ, къ почвѣ („онъ сдѣлался дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ, выучился пахать землю“), инстинктивное сознаніе родства и связей съ народомъ, пониманіе своихъ обязанностей по отношенію къ этому народу („онъ, насколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ бытъ своихъ крестьянъ“), сила нравственной устойчивости, которую онъ обнаруживаетъ въ минуты тяжелыхъ душевныхъ испытаній, не подавляющихъ его, но служащихъ причиной нравственнаго перерожденія героя „Дворянскаго гнѣзда, наконецъ, общая душевная мягкость Ѳ Лаврецкаго, которою онъ такъ рѣзко отличается отъ большинства своихъ жестокихъ предковъ—самодуровъ,—всѣ эти чисто народныя черты получены Лаврецкимъ непосредственно, черезъ мать, отъ народа. — И въ этомъ случаѣ, слѣдова-

тельно, слияніе интеллигенціи съ народомъ обусловило появленіе высшаго культурнаго типа.—

При такомъ взглядѣ на народъ понятной является мучительная скорбь и страстный протестъ великаго гуманиста и патриота противъ крѣпостнаго права. Вѣрный „аннибаловской клятвѣ“, онъ упорно боролся со своимъ непримиримымъ врагомъ до великаго дня 19 февраля, когда могъ торжествовать побѣду надъ этимъ врагомъ. Въ этомъ торжествѣ принимала участіе вся мыслящая и чувствующая Россія, привѣтствуя зарю новой жизни. Такимъ образомъ на долю Тургенева выпало рѣдкое счастье—быть свидѣтелемъ и участникомъ великаго событія, въ значительной степени подготовленнаго его литературною дѣятельностью. Не даромъ же его „Записки Охотника“ сравниваютъ съ „Хижиной дяди Тома“ Бичеръ — Стоу. Интереснымъ является вопросъ, какъ отнесся поэтъ къ жизни обновленнаго народа, какъ эта жизнь отразилась на его творчествѣ вообще и въ частности, какой онъ изображаетъ русскую женщину изъ народа въ по—реформенную эпоху. Тутъ приходится констатировать тотъ фактъ, что творчество Тургенева въ по-реформенную эпоху вообще является менѣе продуктивнымъ: въ 1862, 1865 и 1873 годахъ муза нашего поэта молчитъ совершенно; въ 1863, 1864, 1866, и 1872 — появляется по одному небольшому произведенію; остальные годы—до 1878 тоже не изобилуютъ произведеніями художественнаго творчества: литературный матеріалъ за это время носить скорѣй автобіографическій характеръ, преобладаютъ „воспоминанія“, біографическіе очерки, критическія замѣтки.

Но, начиная съ 1878 г., появляются знаменитыя „стихотворенія въ прозѣ“. Въ нихъ снова съ особою силою сказалось чувство поэта къ родинѣ и органическая связь съ нею. Тургеневъ переживалъ въ послѣдніе годы своей жизни, очевидно, то же чувство, которое переживалъ Лаврецькій, герой „Дворянскаго гнѣзда“, по возвращеніи изъ заграничной поѣздки въ родную деревню. „Здѣсь та же жизнь текла неслышно, какъ вода по болотнымъ травамъ; и до самаго вечера Лаврецькій не могъ оторваться отъ созерцанія этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшемъ таяла въ его душѣ, какъ весенній снѣгъ, — и странное дѣло! *никогда не было въ немъ такъ глубоко и сильно чувство родины*“. Этими словами заканчивается 20 глава „Дворянскаго гнѣзда“, и они вполнѣ примѣнимы къ тому настроенію, которое переживалъ поэтъ, когда писалъ „Стихотворенія въ прозѣ“. Не всегда однако это

настроение говорить о томъ, что Тургеневъ примирился съ русской дѣйствительностью: поэту приходилось наблюдать явленія, которыя вызывали скорбь, близкую къ отчаянію. Это все та же скорбь за русскаго человѣка, за русскую женщину изъ народа. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія стихотвореніе въ прозѣ „Щи“. Припомнимъ его содержаніе.

Деревенская баба лишается своего единственнаго сына,—лучшаго работника въ семьѣ. Помѣщица этого села идетъ навѣстить ее въ самый день похоронъ. Войдя въ избу, барыня поражена слѣдующей сценой: „стоя посреди избы, передъ столомъ, она (баба), не спѣша, ровнымъ движеніемъ правой руки (лѣвая висѣла плетью) черпала пустыя щи со дна закоптѣлаго горшка и глотала ложку за ложкой“. Барыня возмущена этой сценой: „Господи!“ подумала барыня: „она можетъ ѣсть въ такую минуту... какія, однако, у нихъ у всѣхъ грубыя чувства“. Наконецъ, барыня не вытерпѣла: „Татьяна!“ промолвила она: „помилуй! Я удивляюсь! Неужели ты своего сына не любила? Какъ у тебя не пропаль аппетитъ? Какъ можешь ты ѣсть эти щи?“ „Вася мой померъ,“ тихо проговорила баба, и наболѣвшія слезы снова побѣжали по ея впалымъ щекамъ. „Значить и мой пришелъ конецъ: съ живой съ меня сняли голову. А щамъ не пропадать же: вѣдь онѣ посоленыя“. Барыня только плечами пожала, и пошла вонъ. Ей-то соль доставалась дешево,“ заканчиваетъ поэтъ.

Для писателя менѣе гуманнаго и серіознаго эта баба, глотающая щи въ день похоронъ своего сына, могла бы служить сюжетомъ для забавнаго разсказа, способнаго вызвать у читателя улыбку. У Тургенева она, производя давящее, гнетущее впечатлѣніе, имѣетъ значеніе почти символическое. Это удивительный по силѣ образъ народной нищеты и матеріальнаго лишенія: „горе“, лыкомъ подпоясанное блѣднѣетъ передъ этой фигурой деревенской бабы. И если бы несчастная баба, дѣйствительно, съ жадностью ѣла эти соленыя щи въ день похоронъ своего сына, если бы у нея былъ въ это время аппетитъ, какъ полагаетъ чувствительная помѣщица,—тогда получалось бы поистинѣ кошмарное, отвратительное впечатлѣніе. Но въ томъ-то и дѣло, что помѣщица ошиблась. Поэтъ нѣсколькими художественными штрихами даетъ понять, что несчастная вдова дѣйствуетъ, какъ автоматъ („она, не спѣша, ровнымъ, движеніемъ правой руки (лѣвая висѣла плетью) черпала пустыя щи со дна закоптѣлаго горшка и глотала ложку за ложкой. Лицо бабы осунулось и потемнѣло; глаза по-

краснѣли и опухли... но она держалась *истово и прямо, какъ въ церкви*“). Неясно ли изъ этихъ словъ, что тутъ дѣло не въ чувственномъ вкусовомъ ощущеніи, а въ той всепоглощающей, безпросвѣтной матеріальной нуждѣ нашего крестьянина, которая роковымъ образомъ, неизбежно подчиняетъ себѣ даже элементарныя общечеловѣческія проявленія его души.

Стихотвореніе въ прозѣ „Щи“, появилось въ 1878 г., т.-е. 17 лѣтъ спустя послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. И неужели же можно полагать, что Тургеневъ, такъ много сдѣлавшій для подготовки русскаго общества къ великой крестьянской реформѣ, разочаровался въ ея результатахъ, видя въ нихъ одну лишь матеріальную нужду народа. Повидимому, нѣтъ: „стихотвореніе „Щи“ не носитъ характера типическаго обобщенія крестьянской жизни по—реформенной эпохи, отмѣчая лишь ея отрицательныя, тѣневныя стороны. Если же мы невольно склоняемся дѣлать здѣсь слишкомъ широкое обобщеніе, то потому только, что это стихотвореніе въ прозѣ проникнуто чувствомъ безконечной скорби и боли за русскаго крестьянина, точнѣе говоря, за беспомощную русскую женщину изъ народа. Этимъ чувствомъ невольно заражается читатель и склоненъ придавать обобщающее значеніе явленію если и не единичнаго, то, во всякомъ случаѣ, группового характера. А что это, дѣйствительно, такъ, подтвержденіемъ могутъ служить другія картины крестьянскаго быта по—реформенной эпохи, проникнутыя бодрящимъ, жизнерадостнымъ настроеніемъ. Припомнимъ замѣчательное стихотвореніе въ прозѣ „Деревня“, появившееся въ томъ же 1878 г.

„Послѣдній день іюля мѣсяца; на тысячу верстъ Россія—родной край.

Ровной синевою залито все небо; одно лишь облако на немъ — не то плыветъ, не то течетъ. Безвѣтріе, теплынь... воздухъ—молоко парное.

Жаворонки звенятъ; воркуютъ зобастые голуби; молчатъ ласточки; лошади фыркаютъ и жуютъ; собаки не лаютъ и стоятъ смирно, повиливая хвостами.

И дымкомъ — то пахнетъ, и травой — и дегтемъ маленько — и маленько кожей. — Конопляники уже вошли въ силу и пускаютъ свой тяжелый, но пріятный духъ...“ Вотъ родная дѣйствительность, типичный русскій ландшафтъ! Съ неподражаемымъ искусствомъ поэтъ рисуетъ намъ картину родной природы: тутъ зрительная картинность, обиліе слуховыхъ и даже обонятельныхъ ощущеній, такъ что мы вслѣдъ за поэтомъ воспринимаемъ эту кар-

тину всѣмъ своимъ существомъ; сила иллюзіи тутъ почти равняется силѣ непосредственныхъ ощущеній.—Такова природа, а вотъ каковы люди:

„Курчавыя дѣтскія головки торчатъ изъ cadaго во-роха (сѣна)... Русокудрые парни въ чистыхъ, низко под-поясанныхъ рубашкахъ, въ тяжелыхъ сапогахъ съ отороч-кой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телѣгу,—зубоскалятъ.

Изъ окна выглядываетъ круглолицая молодка; смѣется не то ихъ словамъ, не то вознѣ ребятъ въ наваленномъ сѣнѣ.

Другая молодка сильными руками тащитъ большое мокрое ведро изъ колодца... Ведро дрожитъ и качается на веревкѣ, роняя длинныя, огненные капли“. — Какая чудная гармонія поэзіи этой молодой, свободно развивающейся жизни, не знавшей темныхъ сторонъ крѣпостной эпохи, съ красотой дѣвственной русской природы! Здѣсь приро-да и человѣкъ въ воображеніи поэта сливаются въ одно неразрывное цѣлое, образуя художественную картину мо-гучей молодой расцвѣтающей жизни. Тутъ нѣтъ мѣста пессимизму—характерной чертѣ Тургеневскаго творчества: тутъ вѣра въ народъ, въ его силы, въ его будущее. — Не является диссонансомъ и упоминаніе о старомъ поколѣніи, которое въ новыхъ условіяхъ жизни уже успѣло, очевидно, забыть тяжелыя времена крѣпостничества.

„Передо мною стоитъ старуха хозяйка въ новой клѣт-чатой паневѣ, въ новыхъ котакъ.

Крупныя, дутыя бусы въ три ряда обвились вокругъ смуглой, худой шеи; сѣдая головка повязана желтымъ платкомъ съ красными крапинками; низко нависъ онъ надъ потускнѣвшими глазами.

Но привѣтливо улыбаются старческіе глаза; улыбает-ся все морщинистое лицо. Чай, седьмой десятокъ дожи-ваетъ старушка... а и теперь еще видать: красавица была въ свое время!

Растопыривъ загорѣлые пальцы у правой руки, дер-житъ она горшокъ съ холоднымъ, неснятымъ молокомъ, прямо изъ погреба; стѣнки горшка покрыты росинками, точно бисеромъ. На ладони лѣвой руки старушка подно-ситъ мнѣ большой ломоть еще теплаго хлѣба. — „Кушай, моль, иа здоровье, заѣзжій гость!“—Цѣлая пропасть между этой опрятной, гостепріимной старушкой, полной доволь-ства, любви и благоволенія,—и между несчастной деревен-екой бабой, глотающей соленыя щи въ день похоронъ сы-на! Но какую же изъ нихъ авторъ считалъ настоящей представительницей русской женщины изъ народа по—ре-

форменной эпохи? Повидимому, здѣсь колебанія быть не можетъ: яркая типичность явленій, нарисованныхъ въ „Деревнѣ“ и случайный характеръ сюжета стихотворенія въ прозѣ „Ши“, конечно, съ достаточной убѣдительностью выясняютъ этотъ вопросъ, если только, впрочемъ, нашъ поэтъ не имѣлъ намѣренія въ своей „Деревнѣ“ нарисовать идеаль будущаго благополучія нашего крестьянства.

„О, довольство, покой избытокъ русской вольной деревни! О, тишь и благодать! И думается мнѣ: къ чему намъ тутъ и крестъ на куполѣ Святой Софіи въ Царь-Градѣ, и все, чего такъ добиваемся мы, городскіе люди?“ Эти заключительныя слова, полныя высокаго лиризма, производятъ неотразимое впечатлѣніе на читателя. И что бы ни имѣлъ въ виду поэтъ: картину ли будущаго благополучія народа, тотъ отдаленный идеаль, который былъ необходимъ писателю, чтобы „не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома“,—или картину современной ему крестьянской жизни—благодѣтельный плодъ великой реформы 19-го февраля,—одно не продолжитъ сомнѣнію: Тургеневъ не потерялъ вѣры въ русскій народъ. „Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ своей родины“, очевидно, не одинъ „великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ“ служилъ утѣшеніемъ для нашего писателя, но и также „великій, могучій, правдивый и свободный“ русскій народъ, создавшій этой языкъ. И не трогательно ли въ самомъ дѣлѣ: западникъ Тургеневъ, большую часть своей жизни проведеній за границей, гдѣ онъ нашелъ идеаль любимой женщины — не русской къ сожалѣнію, — гдѣ у него были такія многочисленныя и прочныя связи съ блестящими представителями западно — европейской мысли,—все—таки лучшія наслажденія испыталъ въ Россіи, на родинѣ, среди освобожденнаго русскаго народа, на лонѣ простой русской природы. Да иначе и быть не могло: если былъ правъ Полонскій, сказавшій:

„Писатель, если только онъ
Волна, а океанъ Россія —
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія.

Писатель, если только онъ
Есть нервъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода“,

то какъ же Тургеневъ, какъ истинный поэтъ и писатель, могъ быть счастливъ внѣ родственной стихіи и вдали отъ родного организма? Блестящая, ослѣпительная Віардо и вся роскошь и утонченность духовной культуры Запада не могли ему замѣнить родины, — иначе онъ не былъ бы поэтомъ, составляющимъ гордость Россіи.

Юзефовичъ.

Памяти И. С. Тургенева.

1883 — 22 авг. — 1908.

Родной земли изгнанникъ добровольный,
Не въ ней и очи онъ предъ вѣчною смежилъ;
Но мыслью творческой онъ родинѣ служилъ,
И въ этомъ высшій смыслъ судьбы его бездольной.

И мысль моя, его дѣянья пробѣгая,
Предъ всѣми равно восторгаясь, къ одному
Мое вниманье клонить—что ему
Судьбой дано свершить, рабовъ освобождая...

Еще дитятей, онъ умѣлъ цѣнить свободу.
Какъ Пушкинъ, „скорбь узнавъ“ младенческой душой,
Онъ гнетъ испытывалъ въ семьѣ своей родной
И сердцемъ самъ примкнулъ къ страдавшему народу.

Одинъ у нихъ источникъ былъ страданьямъ:
То—крѣпостничество злой памяти, чья тѣнь
Еще лежитъ на бытѣ нашихъ деревень,
Гасильникъ мысли, чувствамъ и дѣяньямъ.

Ставъ юношей, Тургеневъ ополчился
Въ борьбу упорную съ исконнымъ русскимъ зломъ;
Онъ клятву далъ не класть оружья предъ врагомъ,
Какъ съ Римомъ Аннибалъ, со зломъ онъ не мирился.

Когда глубоко въ жизни зло укоренится,
Несокрушимымъ кажется оно тогда;
Но истина ему губительна всегда:
Сверкнетъ лишь правды лучъ—и чудище валится.

Борьба со зломъ огнемъ, желѣзомъ, кровью—
Удѣлъ безумцевъ: вотъ исторіи урокъ.
Иначе мыслить геній: отъ страстей далекъ,
Онъ пламенѣетъ къ истинѣ одной любовью.

Зло крѣпостничества у насъ „порядкомъ“ звалось.
Подъ этимъ именемъ на немъ лежалъ запретъ.
Межъ тѣмъ оно губило русской жизни цвѣтъ;
Какъ броню, оно „порядкомъ“ прикрывалось.

Не заговоръ и не народное возстанье
Сломили иго рабства на Руси тогда,
А сила правдой озареннаго труда,
И этотъ трудъ — Тургенева дѣянье.

Давно страданія народа были близки
Гуманнымъ всѣмъ и искреннимъ сердцамъ...
Зардѣлся отъ стыда рабовладѣлецъ самъ,
Прочтя безсмертныя „Охотника Записки“.

Въ нихъ не было картинъ жестокихъ истязаній
Иль сластолюбія, иль тягостной нужды,
Не тлѣлся въ нихъ огонь глухой вражды—
Лишь правды много было въ ихъ созданьи.

Когда артистъ, какъ Яковъ Турка, иль философъ
Касьянъ съ Красивой Мечи, иль въ душѣ поэтъ
Калинычъ незабвенный—лучшій цвѣтъ
Крестьянства и носители его запросовъ,

Слѣпой судьбой во власти лицъ, что выше ихъ лишь родомъ,
Но мысляю и сердцемъ ниже востократъ —
Такой строй жизни развѣ не развратъ?

Мириться ль съ нимъ, коль жить въ ладу съ народомъ?

Великая, святая эра обновленья!
Насталъ разсвѣтъ: шестьдесятъ первый годъ
Свободнымъ въ вѣчность провожалъ народъ --
И горечь прошлаго отдалъ въ удѣлъ забвенью.

Исторія, свидѣтель безпристрастный,
Внесла ужъ на одну изъ золотыхъ страницъ
Тургенева въ ряду судьбой избранныхъ лицъ,
Стяжавшихъ славу въ подвигъ прекрасномъ.

Царь-мученикъ—предъ Нимъ съ благоговѣніемъ
Склоняется потомство—сталъ вождемъ;
На слово властное Его въ борьбу со зломъ
Все лучшее у насъ стремилось въ упоеньѣ.

Но подвига Его мы не умалимъ,
Когда признаемъ то, что самъ Онъ признавалъ:
Что нашъ поэтъ борцамъ кличъ боевой давалъ,
Къ народнымъ разбудивъ сочувствіе печалямъ.

Такъ въ древности на поприщахъ Эллады
Не Мильтиады лишь себѣ воздвигнули трофей:
Мудрецъ Солонъ, хромой пѣвецъ Тиртей
Будили доблести, какъ пѣсни Иліады.

Когда душа поэта унесется въ вѣчность,
Всѣ лучшіе свои плоды въ наслѣдье намъ
Она сдаетъ, какъ преданнымъ сынамъ.
Ужель въ постыдную впадемъ безпечность,

И даръ поэта, гласъ его загробный
Ужель пренебрежемъ, забвенію предавъ,
Или въ орудье лишь ребяческихъ забавъ
Мы обратимъ родникъ тотъ безподобный,

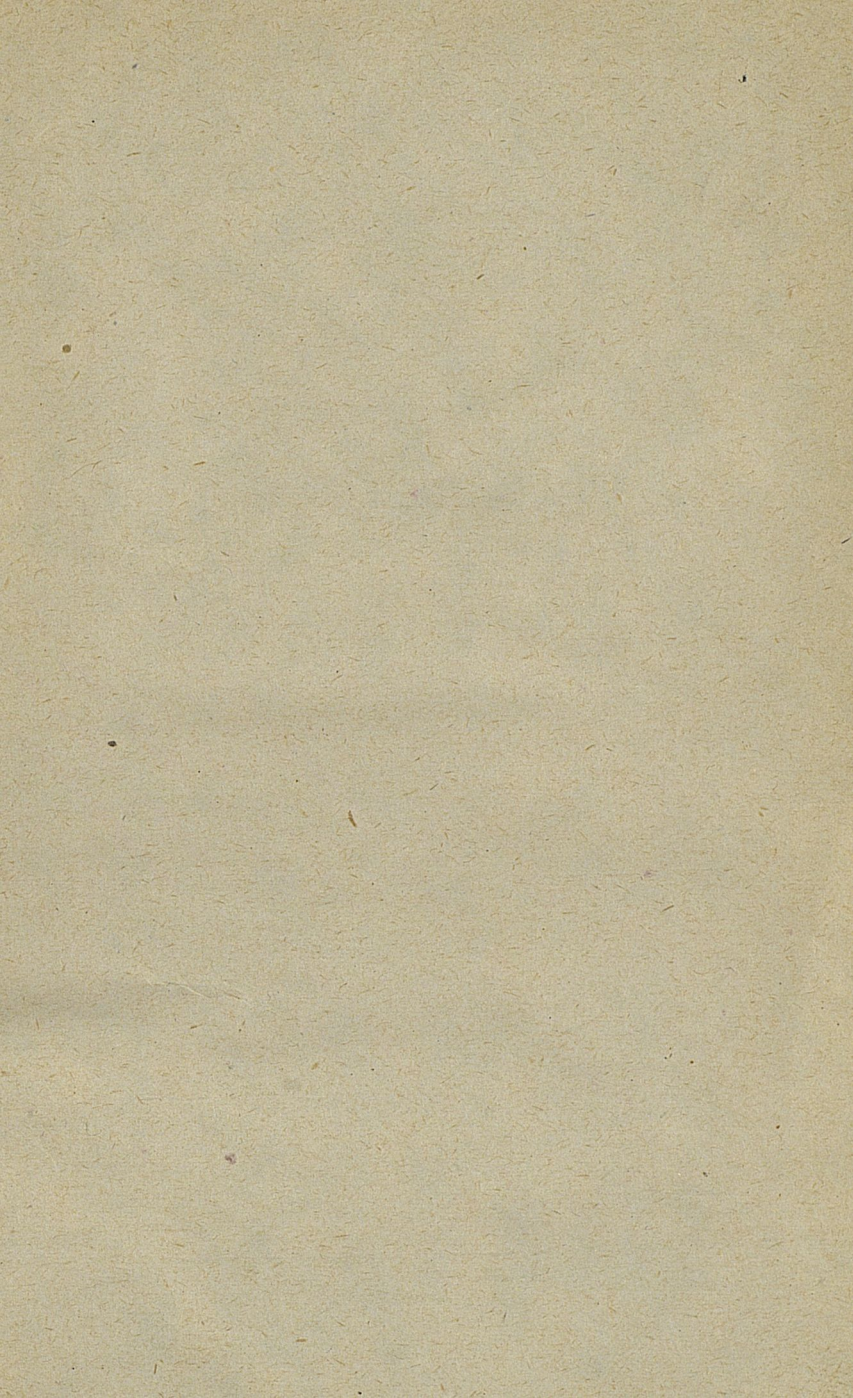
Изъ коего ключемъ бьетъ высшая гуманность,
Гдѣ отразились чувство мѣры, красота
И русская „святая простота“,
И сердца русскаго широкая пространность?

Нѣтъ, тѣнь великая, на граняхъ мірозданья
Пріютъ нашедшая, тебя ли намъ забыть!
Пока свободой люди будутъ дорожить,
Не сгладится твой образъ въ ихъ сознаньи!

И наша жизнь, идя впередъ стезей закона,
На знамени своемъ „гуманность“—твой завѣтъ
Начертить, и преклонится весь свѣтъ
Предъ именемъ твоимъ, красой родного Пантеона.

1800
IX

2010515560